

ОУЭН КИНГ

КУРАТОР

От соавтора
(вместе со Стивеном Кингом)
культового романа
«Спящие красавицы»

Вселенная Стивена Кинга

Оуэн Кинг

Куратор

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кинг О.

Куратор / О. Кинг — «Издательство АСТ», 2023 — (Вселенная
Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-153862-0

Город в мире Америки стимпанк. Конные экипажи соседствуют с трамваями, жители обожествляют кошек, в трущобах свирепствуют эпидемии холеры и ветрянки. Только что произошла революция, и теперь страну раздирает гражданская война. Девушка по имени Ди просит назначить ее на пост куратора Общества исследований связей с иными реальностями, чтобы попытаться разыскать умершего старшего брата – если не среди живых, то среди мертвых... или в других мирах. А тем временем в соседнем полуразрушенном музее сами собой появляются странные экспонаты: таинственный чернобородый обитатель бывшего посольства до смерти пытается неведомо кем преданных ему на муки людей, и мрачный Корабль-морг собирает по ночам команду мертвецов...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-153862-0

© Кинг О., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть I	6
А может, и поболее иных	6
Новые люди	7
События, которые привели к свержению королевского правительства	10
А что в этом большом доме?	14
Сейчас кое-что произойдет	16
Национальный музей рабочего	21
Джентль	28
Тот, кто в состоянии записать пару слов	32
Два очка горняшке в чепчике	41
События, которые привели к свержению королевского правительства	49
Салют	55
Слушай	60
События, которые привели к свержению правительства Короны	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Оуэн Кинг

Куратор

«Принцесса была такая удивительная принцесса, что умела отгадывать все тайны. Она спросила у крошечной женичины: «Зачем ты ее прячешь здесь?» Тогда крошечная женичина поняла, что принцесса знает, почему она живет одна-одинешенька со своей прялкой, и стала на колени перед принцессой и просила не выдавать ее. Принцесса же отвечала: «Я никогда не выдам вас. Позвольте мне взглянуть на нее». Тогда крошечная женичина закрыла ставни, заперла дверь и, дрожа с головы до ног от страха, как бы кто не подглядел, открыла тайник и показала принцессе тень»¹.

Чарльз Диккенс, «Крошка Доррит»

«Скажу больше, все кошки принадлежат нечистому племени, хоть нередко бывают полезны. Кто не замечал гримасу Сатаны на их лукавых мордах?»

Чарльз Портис, «Железная хватка»

Owen King
THE CURATOR

© Owen King, 2023

© Перевод. О. Мышакова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Часть I

Новые люди

А может, и поболее иных

Город, прозванный поэтами и городскими активистами Прекраснейшим по его реке, полноводной Фейр², торчал на теле страны, как заусенец у ногтя. По преданию, город был основан каменотесом, выстроившим замок и оставившим его пустым в качестве приношения Богу, за что мастер получил в награду вечную молодость, однако несколько веков спустя в замок тайком проникли нищие попрошайки, и их внезапное появление так шокировало хозяина, что он пал замертво. Ближе к правде лежала версия, что первые поселения в этих краях основали мореплаватели-скандинавы. В новейшую эпоху город прославился резиденцией статных монархов с хмурым челом, своим конгрессом и судами, своей деловой хваткой, закалкой, связями и доходами, разнообразием своей наемной армии, насчитывавшей, по слухам, «двенадцать языков»; рекой Фейр, бравшей начало в горах, делившей метрополис на западную и восточную части и сбрасывавшей свои пресные воды в океан; крутыми скалистыми берегами полуострова, сглаживавшимися по мере приближения к морю параллельно Фейр; суетой и торговлей своего порта; двумя консольными мостами; достижением прогресса в виде разветвленной сети электротрамваев; огромным городским парком Королевские Поля и расположенным в нем Королевским прудом, где праздные гребцы рассекали водную гладь на лодках с носовыми фигурами в виде монархов с хмурым челом – от Мейкона I до Зака XXI; конкуренцией между роскошными отелями, соперничавшими, чей кот-талисман красивее; своими культурными объектами – театрами, музеями и Плавающим моргом; тремя каменными монолитами на равнине у начала Великого Тракта в нескольких милях от городской черты, куда по традиции новобрачные со всего света съезжались с молотками и кирками отбить на память каменной крошки в знак нерушимости принятых обетов; иронией названия своей единственной вонючей и грязной «водной артерии»; пожарами на своей фабрике; пожарами в ее окрестностях; многолюдными нижними кварталами Лиса³; плодовитыми бедняками, населявшими Лис и скамливавшими поколения за поколениями эпидемиям и армии; пережитками язычества; тайными обществами; терпкостью тузлука, которым приправляли здешних устриц; деятельными шайками несовершеннолетних преступников, наводнявших улицы; отвагой и силой своих мужчин; мудростью и выдержкой своих женщин и, как все крупные города – а может, и поболее иных, – своей принципиальной некартографируемостью.

² Прекрасная (англ.).

³ Подонки, отбросы (англ.).

Новые люди

До переворота она вкалывала прислужкой в Национальном университете, но теперь изловчилась получить должность в Обществе психейных исследований. В городе остро требовались новые люди – а когда было иначе? – на места, ранее занимаемые представителями свергнутого режима и их подпевалами. Это относилось не только к правительству и военным, но частым гребнем прошлось по повседневности, где всё – от школ и магазинов до газовых станций и театров – испокон веков управлялось знатью. Порог Общества психейных исследований Ди переступала всего однажды, еще девочкой, но в памяти остался большой зал, где она ждала, пока слуга приведет ее старшего брата, неофита Общества. Пол был устлан огромным красно-золотым ковром, достаточно толстым, на детский взгляд, чтобы закопать в его ворсе мраморный шарик. Книжки плотно заполняли высокие стеллажи, целиком закрывавшие стены. За письменным столом дама в широкополой голубой шляпе, склонившись над открытым гротеском, чертила что-то по линейке, сверяясь с компасом. Изящная маленькая эстрада служила выставкой принадлежностей фокусника, с потолка свисал мобиль галактики, с солнцем размером с крокетный шар, и одиннадцатью планетами приблизительно с бильярдные шары, а в кожаном кресле у камина, засунув под мышки ладони скрещенных рук, с блаженной улыбкой дремал джентльмен в твидовых бриджах.

В трудные годы, последовавшие за тем единственным визитом, Ди часто мысленно возвращалась к идее спокойствия и возможностей, воплощением которой казался этот просторный, причастный к культуре зал. Если столь идеальное место могло существовать в таком городе, может, существует и нечто большее – иная, скрытая сторона жизни?

Посещение Общества случилось в жизни Ди пятнадцать лет назад, когда бунт против сильных мира сего казался немыслимым и непредставимым, а вскоре ее брат Амброуз скончался после недолгой борьбы с холерой. Два события – визит в Общество и смерть Амброуза – слились для Ди воедино.

Она часто вспоминала последние слова брата. Проникнутые благоговейным трепетом, они слетели с запекшихся губ, прозвучав неожиданно четко:

– Да, я вижу тебя. Твое... лицо.

Чье лицо? Амброуз был сама скрытность – вечно уходил от ответа, а иногда говорил такое, что Ди не знала, принимать ли его всерьез. Однажды брат заявил, что существуют иные миры. Может, это и правда: Ди почти не сомневалась, что в свои последние мгновения брат что-то видел – не галлюцинацию, а нечто реальное и поразительное. В его голосе слышалась убежденность.

Если существует жизнь после смерти, или будущая жизнь, или что угодно, Ди хотелось бы найти там своего брата.

Однако в реальной жизни эта надежда посещала ее лишь в мечтах, когда ее, бывало, посылали с поручениями на Лигейт-авеню и Ди замедляла шаг, проходя мимо уединенной улочки Малого Наследия, чтобы взглянуть на прекрасный кирпичный особняк, упрятанный в тень одинаковых тополей, где размещалось Общество психейных исследований.

Но наконец возможность представилась сама: революция буквально распахнула перед Ди красные двери Общества.

Ди спросила своего любовника, лейтенанта добровольной гражданской обороны Роберта Барнса, не мог бы он ей помочь, и Роберт ответил, что сделает все, чего ей хочется, но – «психейные исследования, Дора? Что это – клуб легкомысленных богатых дам, которым нравится,

когда им гладят ладони и организуют общение с покойными знаменитостями? Судя по названию, так оно и есть».

– Лейтенант, – прервала его Ди, – кто может отдать такое распоряжение?

Δ

Они отправились в штаб-квартиру временного правительства, занявшую здание мирового суда на восточном берегу.

На площади они отыскиали адъютанта генерала Кроссли. Студенты, докеры и прочие радикалы стали катализаторами массовых волнений, но именно поддержка лидеров оппозиции со стороны Кроссли ускорила и довершила революцию: без вспомогательного гарнизона восставшие не смогли бы вынудить силы режима оставить город.

Упомянутый адъютант, сержант Ван Гур, восседал за маленьким письменным столом, поставив подбородок на кулак. Ван Гур носил запонки с крупными изумрудами и исподтишка старался направить отраженный луч жидко-зеленого света, испускаемый одним из изумрудов, прямо в глаз разъяренному каменному тигру, установленному посреди крытой рыночной площади. Ди заподозрила, что эти запонки лишь недавно перешли в собственность сержанта.

Ее лейтенант объяснил, чего они хотят, и поручился, что она патриотка.

– Это правда? – улыбнулся ей Ван Гур. Ди кивнула, опустив глаза. – Прекрасно, вы меня убедили, – сказал он. – Можете приступать.

Но Роберт хотел чего-то более официального, чтобы устранить в будущем самую возможность малейшего недопонимания и проблем. Выудив из кармана листок, он написал постановление о передаче в распоряжение Ди здания Общества и прилегающей территории, «дабы обеспечить сохранность общественного имущества вплоть до учреждения открыто избранного правительства и проведения оценки здания с целью его дальнейшего использования». Постановление Роберт зачитал адъютанту вслух.

Ван Гур засмеялся, сказал, что это исчерпывающе, и старательно вывел свои инициалы внизу листка.

Роберт и Ди пешком отправились на северо-восток города. Они шли так близко, что касались друг друга локтями при каждом шаге.

Δ

Брошенное пианино, разодранная скатерть, битые винные бутылки, резиновое дерево с клубком корней в расколотом вазоне, разбросанные книги и тысячи других вещей – обломки крушения свергнутого правительства и его сторонников, выпавшие из карет и экипажей, – загромождали Национальный бульвар. «Раз прислугу теперь повысили, придется каждому научиться убирать за собой», – подумала Ди.

Люди только-только начали появляться на улицах после боев, вытеснивших из города части королевской внутренней охраны. Горожане, мимо которых проходили Роберт и Ди, стояли с потрясенными лицами и озирались по сторонам, словно пытаясь сориентироваться среди разбросанного хлама.

– Уже все в порядке, – уверял ее лейтенант растерянных горожан, хотя его ни о чем не спрашивали. Люди моргали, нерешительно улыбались, приподнимали в ответ шляпы и словно бы приходили в себя.

– Вы уверены, сэр? – переспросила одна женщина, глядя на Роберта через поцарапанные стекла крошечных очков. Ее юбка была черной и пыльной. Нянька, решила Ди, или учительница.

– Да, – ответил Роберт.

– Они окружены?

– Они ушли, – сказал лейтенант, – и больше не вернутся.

Женщина в перепачканной юбке нахмурилась, но слова Роберта обрадовали других, стоявших рядом. Некоторые зааплодировали и залихватски заурали.

– Ну, взяли, что ли, – сказал, приободрившись, какой-то мужчина, и люди как мухи облепили остов перевернутой повозки, чтобы отодвинуть помеху с трамвайных путей.

Краем глаза Ди видела, как ее лейтенант самодовольно улыбнулся. В профиль он и впрямь был военная косточка: выющиеся черные волосы до верхнего края ушей и ложбинки на затылке, красивый прямой нос, мужественный выступавший подбородок. Ди нередко спохватывалась, как же сильно Роберт ей нравится. Когда он говорил, что все в порядке и так отныне и останется, ему хотелось верить.

На улицах для поддержания порядка расставили молодых людей с зелеными повязками волонтеров гражданской обороны. Роберт – бывший студент университета, как и многие волонтеры, – небрежно-ироничным жестом приветствовал знакомых воинским приветствием, и те в ответ тоже вскидывали руку к козырьку.

Маленький мальчик, обутый в где-то подобранные желтые женские лодочки, выбежал навстречу и отсалютовал лейтенанту. Роберт остановился, пригвоздил мальчишку к месту зорким суровым взглядом и четким движением отдал честь. Мальчишка кинулся прочь, пища от удовольствия.

Из-под опущенных жалюзи со второго этажа лейтенанта окликнули:

– Нет ли работы для голодного человека, командир?

Ее лейтенант прокричал спрашивавшему идти в штаб военного лагеря на территории мирового суда и найти сержанта, который подписал постановление Ди.

– Скажете, что вас направил лейтенант Барнс!

Голодного накормят и найдут ему занятие, ибо работы непочатый край.

– Спасибо за вашу помощь, сэр! Я вас не посрамлю! Я буду работать со всем усердием, куда меня поставят! – обрадованно кричал им вслед незнакомец. – Я как начну, за мной никто не угонится! Да улыбнется вам кошка, сэр! И вашей леди тоже!

Таких встреч случалось много, и каждый раз Роберт останавливался и говорил с людьми, давая совет, как получить еду, работу или иную помощь. Ди даже зауважала своего лейтенанта, глядя, как он не сторонится встречаемых, многие из которых явно нуждались, были одеты в лохмотья и грязны. Поглядывая на гордо расправленные плечи Роберта после каждой из этих консультаций, Ди подумала, что ее лейтенант тоже в восторге от самого себя.

Дойдя до границы правительственного округа, где за чередой посольств начинался тихий центр, Ди и Роберт свернули на Лигейт-авеню. Здесь признаки недавнего конфликта казались не так очевидны. У посольств еще висели флаги их государств, весело играя красками под ярким утренним солнцем, хотя послы и дипломаты выехали все. Необычно пустынная авеню вытянулась, будто исключительно для Роберта и Ди, во всю свою длину, до железного столба с указателем «Улица Малого Наследия».

События, которые привели к свержению королевского правительства Часть I

Человек по имени Йовен, владелец знаменитой фарфоровой фабрики, обвинил министра финансов Вестховера в грубой мошеннической афере.

С фабрикой был заключен договор на производство двух с лишним сотен тарелок, блюд, ваз, пепельниц и прочего для кабинетов и столовых городского особняка министра Вестховера, его загородного дома и его же имения на Континенте. Согласно контракту, в роспись сервизов полагалось включить атрибуты вестховерского ремесла, поэтому на каждой тарелке министр финансов изображался в римской тоге и с весами в руках, на одной чаше которых лежала горка монет, а на другой – зерна пшеницы. Для каждой резиденции Вестховера сервизы были выполнены в своем цвете: для городского особняка – в красном, для загородного – в зеленом и в строгом черном – для континентального.

Все эти подробности стали достоянием общественности, когда Йовен, оскорбленная сторона, напечатал в газетах ядовитый памфлет «Человек, слово которого ничего не весит».

В памфлете содержался подробный отчет о том, как Вестховер принял доставленный товар и в одностороннем порядке изменил вознаграждение, предложив лишь малую часть от заранее согласованной суммы. Йовен отказался принять измененные условия и потребовал вернуть посуду. Министр финансов проигнорировал его требования, оставив сервизы себе, и воспользовался своим влиянием, чтобы все суды Йовен со своими требованиями компенсации проиграл.

«Министр дружит с судьей, который рассматривал дело; более того, они соседи, что возмутительно и недопустимо при судебном разбирательстве».

В своем *cri de coeur*⁴ производитель фарфора не утаил, что изображение министра финансов на сервизах безбожно идеализировано: «Я даже изобразил Вестховера согласно его прихоти, потому что он пожелал так и никак иначе, хотя стройностью он не отличается».

В ответ министр финансов выпустил собственный памфлет, где заявлялось, что фабрика Йовена использовала некачественное сырье, в результате чего тарелки получились слишком тонкие, а фарфор – низкосортным. Кроме того, всем известно, что Вестховер просто широк в кости. «Прискорбно, что отдельные индивидуумы, отличающиеся низкой моралью и таким же происхождением, осмеливаются оскорблять тех, кто превосходит их во всех отношениях».

Засим министр подал иск за диффамацию и тут же отсудил денежную компенсацию.

Эта тяжба, начинавшая напоминать комедию, стала долгожданным развлечением для горожан, среди которых с некоторых пор росло глухое недовольство.

На южных окраинах, в бедных кварталах Лиса, холера свирепствовала сильнее обычного; приезжих строго предупреждали не пить воду и не пробовать здешнюю снедь. Перчатки свисали из-под дверных молотков на домах, которые посетила болезнь: целые улицы «натянули перчаточку». Забастовка портовых рабочих провалилась, зачинщиков уволили. В северных провинциях весенняя засуха погубила посевы, в результате чего вздорожали хлеб, бобы, мясо и многое другое. Армия под командованием славного Гилдерслива, воевавшая по контракту на Континенте с франками, застряла в горах, потерпев серию поражений и понеся серьезные потери, и всенародный любимец генерал в одночасье превратился в символ старческой слабо-

⁴ Крик души (фр.).

сти. Ходили слухи, что в неблагополучных городских кварталах хулиганье отрывало у прохожих рукава и заставляло бедолаг сжигать их прямо на мостовой под угрозой избиения⁵.

Претенциозные сервисы министра финансов стали воспринятым на ура доказательством развращенности королевской семьи и правительства, которые не упускали возможности сделать народу внушение насчет прямой связи скандальных трат бедняков на спиртное, азартные игры и идолопоклонство с их вопиющим обнищанием. Соответственно, взбучка, устроенная жестковейшему торговцу фарфором с его завиральными понятиями о справедливости, воспринималась горожанами с горьким удовлетворением, как старинная пьеса, исполненная с новым пылом. Все прекрасно знали, что ошибка Йовена состояла не в выборе сырья, а в том, что он забыл, как устроен мир. Пусть Йовен успешно вел торговлю и делал деньги, но Вестховер – не первый, не второй и даже не третий Вестховер на посту министра финансов – был денежным мешком.

В газетных карикатурах зло высмеивали приземистую фигуру и обширную лысину Йовена. Художники намекали на его безумие, пририсовывая ему дикие глаза и выводя торчащими зигзагами три-четыре уцелевшие волосинки. На одном рисунке Йовен размахивал тарелкой, из многочисленных трещин которой вытекал клей, и орал: «Видите? Прекрасная работа!», на другом Йовен сидел на огромной куче битых черепков, обливая все вокруг фонтанами слез, и вопил: «Нет, пожалуй, я не возьму их назад!», а четыре волоска, торчавшие дыбом, лили каждый свои собственные слезы.

Может, Йовен действительно помешался – или прослыл помешанным в последние угарные дни обреченного правительства, но из непреклонности даже после вердикта суда он отказался признать поражение.

Йовен вырос в нищих кварталах Лиса, недалеко от залива. Он никогда не ходил в школу, ремеслу учился у мазилки-гончара, а первые неуклюжие тарелки, сформованные из илистой глины Фейр, обжигал в самодельной каменной печи. Позже Йовен придумал смешивать густую жирную глину Фейр с костяной мукой, начал создавать посуду ручного формования, достаточно гладкую, чтобы она могла сойти за фабричную, и постепенно, продавая сервис за сервисом, сколотил свое состояние.

Ребенком Йовен избежал холеры и прочих болячек. В юности он не попал в армию. Он никогда не был женат. Все, чем он когда-либо занимался, – это работой и расширением бизнеса в отсутствие связей и влияния, пока не обзавелся фарфоровой фабрикой, складом и прекрасным особняком под высокой крышей почти что в правительственном квартале – особняком, совсем недалеко отстоявшим от родовой усадьбы министра Вестховера.

Пальцы Йовена были сожжены до полной потери чувствительности еще в юности, когда он орудовал в раскаленной печи самодельными приладами. Он обладал характерной напористой, какой-то набыченной походкой, заставлявшей встречных шарахаться в стороны. Никто из его окружения ни разу не слышал от Йовена, что ему что-нибудь понравилось. Если что-то – узор, чашка кофе, место в экипаже – отвечало его стандартам, он мог рявкнуть: «Да!», но большей похвалы от него не дожидались никто и ничто. Он будто находил удовольствие в том, чтобы уничтожать безупречно выполненные тарелки, швыряя их под ноги своим мастерам и разбивая вдребезги с такой силой, что отлетающие осколки порой резали ему руки. За такую недостачу любезности Йовена на фабрике прозвали Очаровашкой, или просто Чарой.

Еще мальчишкой, продавая вразнос горшки и плошки, Йовен никому никогда не верил в кредит ни на пенни и не делал скидок. Десятки владельцев салунов и харчевен Лиса воздвигли невидимые памятники его нахрапистости и высокомерию. Вот угол улицы, вот дверь, вот место у бара, где молодой Йовен стоял с выпачканными речной грязью босыми ногами, и смотрел на

⁵ Гилдерслив (*Gildersleeve*) буквально означает «позолоченный рукав».

собеседников, выпятив губу, и наставлял на них свой ничего не чувствующий палец, и говорил, что уговор есть уговор, не хочешь – не бери.

Иначе говоря, даже те, кто с ним знался, не любили Йовена. И неважно, что он поднялся на такой уровень, которого отродясь не добивались неграмотные речные крысы. Им восхищались за его гениальность, завидовали его удаче, но дружбы с Чарой никто не искал.

Δ

Холодным весенним утром ворота особняка министра Вестховера распахнулись, и четверка гнедых лошадей, цокая подковами в стелющемся тумане, в котором тонули копыта, повлекла на мостовую лакированную белую карету. Поджидавший у забора Йовен вышел наперерез карете и с силой запустил в нее тарелкой (это была копия, которую он самолично сделал с суповых тарелок из сервизов Вестховера).

Истинный лисец, Йовен отнюдь не разучился пускать камни блинчиком: тарелка, бешено вертясь в воздухе, врезалась в дверцу кареты и оставила глубокую зазубрину в полированном белом дереве.

– Вот тебе некачественное сырье, сучий потрох! – Йовен прынул вперед, подхватил тарелку с булыжной мостовой и торжествующе помахал целехонькой тарелкой над головой, показывая ее прохожим – прислуге, рассыльным, дворникам, плотникам, спешившим на стройку: – Идеальна! Ни оспины, в отличие от его безобразной рожи!

Кучер натянул поводья, разом остановив лошадей. Министр финансов открыл треснувшую дверь и выглянул наружу. Кучер слез с козел; с запяток спустился гайдук.

Йовен бросился на них с тарелкой, сжав другую руку в кулак, но был свален с ног выстрелом из пистолета, который гайдук выхватил из своей ливрейной куртки. Пуля попала Йовену в бедро.

Тарелка выпала, на сей раз неудачно ударившись о мостовую, и разломилась на два ровных полукруга.

– Держите его, – приказал из кареты Вестховер. Кучер с гайдуком подошли к лежащему Йовену и прижали его руки и плечи к булыжной мостовой.

В карете имелаась маленькая жаровня, чтобы главный экономист Короны не озяб в прохладные утра вроде сегодняшнего. Натянув толстую рукавицу, Вестховер вынул из жаровни горячий уголь, спустился на мостовую и подошел к троице.

Йовен вырывался, но его держали крепко. Министр присел на корточки и попытался затолкать тлеющий алый уголек ему в рот. Йовен сжал губы и замотал головой, обжигая щеки и нос, но не позволяя министру финансов втолкнуть ему уголь в рот. При этом он утробно рычал. От его движений стелившийся по земле туман заколыхался, закидывая длинные языки на спины и ноги стоявших.

Минуту или две спустя министр Вестховер хрипло хрюкнул, отбросил уголек и швырнул задымившуюся рукавицу. Кое-как он выпрямился, стоя над человеком, распростертым на мостовой.

Министр финансов, моложе посудника лет на десять, но обрюзгший и непривычный к физической нагрузке, тяжело сопел и отдувался, будто выпив лишнего. На светлых усах повисла мутная капля из носа, синий шелковый галстук сбилась под горлом. Вестховер похлопал себя по карманам, моргая, сглатывая и судорожно втягивая воздух. Его люди отпустили Йовена и встали. Туман начал снова затягивать маленькую прогалину, образовавшуюся на месте потасовки.

Йовен приподнялся на локте и плюнул на туфли министра. Кожа на щеках и носу висела ключьями там, где прижимали раскаленный уголь.

Но Йовен торжествовал.

– Ты не скормишь мне свое дерьмо! Можешь вовсе сжечь мне нос, но жрать твоё дерьмо я не стану!

Собравшаяся толпа держалась на расстоянии: горничные в чепчиках, ропшущие мужчины с ручными тележками. Вопли Йовена казались эхом их мыслей.

– Вы видели, видели! Он пытался меня убить!

Йовен пополз к министру боком, как краб, подтягиваясь на руках: он явно намеревался подобраться поближе и не ограничиться плевком. Кровь из раны на бедре размазывалась по камням; туман превращал ее в черную краску. Йовен смеялся: никто прежде не слышал смеха Чары.

– Он думает, ему все позволено, баклану, – захапает все что хочет! Не исполнить уговор со мной!.. Он думает, ему можно убивать честного ремесленника прямо на улице!

Министр финансов шумно вдохнул и сжал губы. Большим пальцем он провел по краям ногтей остальных, точно проверяя, достаточно ли они ровные.

Внезапно Вестховер сунул руку в карман ливреи стоявшего рядом гайдука, выхватил пистолет и дважды выстрелил Йовену в грудь.

Неотесанный, необразованный, с сожженными пальцами горшечник, взлетевший так высоко, был убит наповал, застрелен на глазах тридцати с лишним свидетелей. Взбухший вздох тумана вытянулся и медленно опустился на труп.

В толпе послышались рыдания.

– Убили, – сказал кто-то, и его поддержали другие голоса. Министр финансов сунул пистолет гайдуку, и тот принял оружие.

– Мы все видели! – истерически крикнула женщина, за ней другая и третья.

Тут же какой-то мужчина спросил:

– Зачем вам надо было это делать?

Вестховер не ответил. Он вернулся в карету и с размаху захлопнул щербатую дверцу. Его слуги вновь заняли свои места. Кучер развернул четверку лошадей, и карета покатила обратно в раскрытые ворота, которые тут же захлопнулись за ней.

Через несколько минут на место происшествия прибыли констебли и приказали собравшимся разойтись. Туман уже превратил Йовена в неразличимую темную грудку.

На следующий день было учинено расследование, и дело похерили без предъявления обвинений. Министр финансов, как установило магистратское следствие, действовал в пределах необходимой самообороны.

А что в этом большом доме?

Но, свернув на улицу Малого Наследия, они увидели, что здание Общества сторело.

Невозможно было понять, случайность или поджог стали тому причиной: отступая, лейб-гвардия и часть полиции, оставшиеся верными Короне, поджигали все без разбора. Временное правительство только начинало описывать нанесенный городу ущерб. Однако улица Малого Наследия отнюдь не являлась торной, поэтому причиной несчастья могла быть и опрокинутая свеча, и искра из камина. Лейтенант растолковывал Ди все эти очевидные вещи, пока они оглядывали руины, стоя на тротуаре.

Соседние дома остались неповрежденными. Эффект получался как от гнилого зуба в ослепительной улыбке.

Ди прошла по дорожке до самых тополей у бывшего крыльца. Красную дверь, которую она запомнила с детства, взрывом сорвало с петель, и теперь она косо торчала из газона, грубоко уйдя углом в землю. Крыша обрушилась. Через дверной проем внутри виднелись груды обгорелых досок, кирпичей и черепицы. Сквозь резкий запах гари пробивалась глубокая кислая земляная нота, будто пламя жарило столь нестерпимо, что горела даже земля. От закопченного остова до сих пор исходило слабое тепло, а над останками дома колыхалась черная дымка из мельчайших частиц пепла.

Не успев начаться, план, в который Ди никогда не позволяла себе до конца поверить – что она найдет в Обществе какие-нибудь записи о своем брате или доказательства важности его последних слов, разваливался на глазах. Модель галактики с солнцем и планетами обратилась в пепел; от письменного стола, за которым что-то чертила дама в шляпе, остались одни угли; место, где дремал у очага веселый джентльмен, завалило обломками. Большой зал канул в небытие вместе с особняком и Амброузом.

Но Ди не могла позволить себе роскошь огорчиться – только не в ее положении. Можно хранить в памяти вид парадных залов и воспоминания о мертвых братьях, но если ты сама зарабатываешь себе на хлеб, у тебя вся жизнь в движении. Ты всегда идешь вперед, если, конечно, хочешь выжить.

– Дора, – ее лейтенант подошел и встал рядом, – ты в порядке?

Ди взяла его под руку, и они вернулись к тротуару.

– В порядке. Надеюсь, при пожаре никто не пострадал.

– Духи точно не пострадали, – сострил Роберт. – В этом мы можем быть уверены.

У Ди сложилось стойкое ощущение, что Общество психейных исследований имело мало общего с духами и привидениями, но она не стала спорить. Правду говоря, она никогда не понимала, чем конкретно занимается Общество, и знала только, что посвященные проводили здесь некие исследования и эксперименты и что Амброуз, пусть и недолго, был одним из неопитов.

– Это большое утешение, лейтенант. Я об этом не подумала. Быть духом – не самое веселое занятие, но хоть не грозит обратиться в пепел. – После учреждения волонтерского корпуса Ди обращалась к Роберту по званию.

Для его приятелей, молодых революционеров из университета, Ди была лишь тихой маленькой горняшкой, которую ловкач Бобби взял себе в любовницы, незаметной тенью в сером платье и чепчике. Никто не догадывался, что на самом деле происходило между ней и «ее лейтенантом». Неведение приятелей добавляло для Роберта остроты в отношения, о чем Ди прекрасно знала.

Роберт сказал:

– Будь даже дүхи уязвимы для огня, они улетучились бы при первых клубах дыма – ведь привидения умеют проходить сквозь стены и окна, просачиваться под дверьми или втягиваться сквозь почтовые щели – как письма, только наоборот. Это уж каждый дух сам выбирает.

– Где ты всего этого наслушался?

– От няньки.

– Она у тебя что, попивала?

– Да. И я ее очень любил.

Ди сказала – это все неважно, просто ей очень нравился особняк, вот и все. Ей не хотелось пускаться в объяснения про Амброуза или свою семью: без этого с Робертом было проще. Роберту она нравилась такой, какой он ее считал.

– Я понимаю, тебе хотелось внести свою лепту в общее дело, Дора, но есть много других мест, где нужен пригляд. Мы еще даже до хороших музеев не дошли.

Они вернулись к началу улицы Малого Наследия. Угловому зданию – огромной бетонной коробке с фундаментом из рябых каменных блоков – словно было тесно на занимаемом месте. Роберт показал направо, к северу от Лигейт, мимо посольства важнейшего союзника свергнутого правительства:

– Идем на улицу Большого Наследия, и я обещаю, мы отыщем для тебя... – Он замолчал, окинув взглядом бетонную громадину рядом. – Погоди-ка, а что в этом большом доме?

Сейчас кое-что произойдет

Много лет назад к ним на улице привязались мальчишки. Восемилетняя Ди шла с братом, а незнакомые мальчишки болтались возле аптеки. Одетые в синюю школьную форму и фуражки, на вид они были помладше Амброуза, которому уже сравнялось пятнадцать – почти взрослый. Брат держал Ди за влажную ручонку, а другой рукой она бережно поддерживала свою спящую куклу.

– О, дорогая, какая у тебя прелестная крошка! – кривляясь, протянул один из мальчишек, с очень светлыми волосами. Из жилетного кармана у него, как у взрослого, свисала золотая цепочка карманных часов. В витрине аптеки выставлялись рисованные плакаты: мужчина с перевязанной головой, женщина с воспаленным глазом, красный распухший палец, окруженный черными зигзагами боли, чтобы было понятно, какие травмы и болезни лечат аптечные пилюли и бальзамы.

– О, дорогой! – в тон ему закудахтал другой мальчишка. – Это бэбик!

Так совпало, что ее куклу и в самом деле звали Бэби, и Ди привыкла думать, что Бэби очень красивая в своей ночной рубашке цвета слоновой кости, с кружевным воротничком. Издевка больших, прилично одетых мальчиков смутила и задела Ди, и она сглатывала слезы, пока брат уводил ее прочь.

Сзади начался настоящий кошачий концерт, с мяуканьем и неприличным урчанием. Заводила не унимался, продолжая осыпать их с Амброузом насмешками:

– А это небось твоя маленькая женушка? Отличная работа, сэр, просто отличная!

Ди не понимала, отчего брат не укоротит им языки: он старше и сильнее хулиганов. Но Амброуз на них даже не взглянул. Не останавливаясь и не поворачивая головы, он прошептал:

– Тише, Ди. Их только радуют твои слезы. Я никому не позволю тебя обидеть. Ты мне веришь?

Ди ответила утвердительно, хотя уже не знала, чему и верить. Она еще не сталкивалась с тем, что в мире есть мальчишки, которые могут обзывать только потому, что ты маленькая и у тебя есть любимая игрушка. Слезы полились сильнее, совсем закапав Бэби.

– Вот и хорошо. А теперь не отставай и будь внимательна, – сказал Амброуз. – Сейчас кое-что случится. – Мальчишки за ними не увязались, и улюлюканья не стало слышно, когда брат и сестра повернули за угол и вышли на соседнюю улицу. Остановившись, брат велел Ди оглядеться вокруг: – Смотри как можно пристальнее, подмечай все.

Вдоль улицы тянулись красивые дома, похожие на их с Амброузом дом, почти все трехэтажные, а некоторые и в четыре этажа, с каменным крыльцом, выходившим прямо на тротуар. Тонкие параллельные линии трамвайных рельсов делили мощеную улицу вдоль. На трамвайной остановке мужчина, держа ботинок в руке и балансируя на одной ноге, отскребал что-то с подошвы о фигурное навершие кованого ограждения. Женщина в чепчике и фартуке прислуги несла на голове корзину кочанного салата. Уличный метельщик собирал с мостовой лошадиный навоз в свою ручную тележку – совковая лопата скрежетала о камни. На трамвайных проводах, висевших над рельсами, сидели скворцы, четко выделявшиеся на фоне серого неба без облаков.

Ди вновь перевела взгляд на брата. Как и те злые мальчишки, Амброуз был в школьной фуражке, только в серой, немного темнее серого неба, и фуражку он носил надвинув на самые брови. Ди на всю жизнь запомнила брата таким – острый нос и умная заячья, обнажающая верхние зубы улыбка под козырьком школьной фуражки.

– Ты поняла, что произошло?

– Кажется, нет.

– Мы заставили их исчезнуть нашей особой магией.

Ди знала, что это неправда – людей нельзя заставить исчезнуть силой мысли, как бы сильно ты их ни ненавидел, однако ей понравилась фантазия про их с Амброузом особую способность, утешительный приз. Пусть у светловолосого мальчишки красивая цепочка от часов, но у него нет такого брата, как у Ди, и никогда ему не увидеть заячьей улыбки, которую Амброуз приберегал специально для нее; и нет у него такой сестры, как Ди, которой можно всецело доверять и положиться хоть в чем.

А может, по сравнению с тем, что объединяло Ди и Амброуза, противные мальчишки становились такими ничтожными, что практически исчезали?

Мать терпеть не могла, когда Амброуз называл сестру Ди, а не Дорой, но в этом заключалась еще одна причина их тесной дружбы. Когда Ди только родилась, язык Амброуза запутывался в длинном хвосте ее имени, и после нескольких безуспешных попыток брат сократил его до лаконичного Ди.

Нянька обожала пересказывать эту историю.

– Барчук-то наш сказал: «Ну да, стану я выговаривать такое длинное! Она еще маленькая, хватит с нее одной буквы!»

Ди и не воспринимала себя иначе. С этим прозвищем она чувствовала себя особенной, обласканной вниманием старшего брата. Пусть одна буква – всего ничего, но букв только двадцать шесть, и четвертую брат навсегда отдал ей.

– Я тебя люблю, – призналась она. Амброуз потрепал ее по плечу и сказал, что тоже ее любит.

Они так и стояли на тротуаре, поэтому прислуга, куда-то спешившая с корзиной салата на голове, осторожно их обошла.

Δ

Когда они вернулись домой, нянька лежала на полу между кухней и черным входом. Отец еще не пришел с работы, мать отправилась куда-то по своим делам. Нянька засмеялась и помахала детям рукой. У нее было пухлое морщинистое лицо, напоминавшее веселую тучку. Ди ни разу не слышала от няньки худого слова: если та не смеялась, то всегда готова была прыснуть со смеху.

– Гляньте-ка, ноги-то у меня подогнулись и усадили на пол! Как вам это понравится? – Нянька снова засмеялась кудахчущим смехом. – Кажется, у меня снова легкий приступ... Но я скоро поправлюсь.

Амброуз помог ей подняться.

– Конечно, поправишься. – Он подвел ее к кухонному столу и усадил. На Ди повеяло странным сладковатым запахом, как от опавших яблок, которые уже начали портиться и которые никто не подберет.

Ди присела напротив и принялась гладить старуху по мягкой влажной руке, приговаривая слова, что всегда говорила ей нянька, когда Ди случалось прихворнуть:

– Не терзайся, дорогая, будет и на твоей улице праздник...

Услышав это, нянька испустила вопль восторга, уронила голову на стол и весело застонала. Ди ласково потрепала ее по руке.

Ее брат снова застегнул тужурку, вызвавшись сбегать за микстурой для успокоения нянинных нервов.

– Пригляди пока за нашей пациенткой, Ди.

Аптека находилась буквально за углом. Амброуз снял с крюка у плиты совок для угля и пообещал обернуться за пять минут.

Δ

Месяц или два спустя нянька снова заболела. Амброуз предупреждал Ди, что рано или поздно это случится, и просил ее принять на себя ответственность чрезвычайной важности немедленно уведомить его, буде стрясется такая оказия. Их родители не должны были узнать о хрупком здоровье няньки: вместо того чтобы идти домой сразу после школы, Амброуз появлялся дома за считанные минуты до возвращения матери с шопинга и разнообразных встреч. Если няньку уволят, новая бонна вряд ли станет смотреть сквозь пальцы на опоздания Амброуза.

– Я не такой сын, о котором они мечтали. Я не хочу работать в банке или стать мужем той, которая мечтает выйти замуж за финансиста. Я не такой, как наши родители. – Амброуз подмигнул сестре из тени козырька своей сизой фуражки.

– А какой ты? – с любопытством спросила Ди.

– Я интересный, – ответил Амброуз.

– А я интересная?

В самых смелых мечтах Ди не считала себя такой же интересной, как старший брат, но, может, есть разные степени интересности.

– А ты знаешь интересных людей?

– Тебя, – ответила она.

– Ну, тогда в тебе что-то есть, – сказал брат. – Или будет, потому что это прилипчиво. Я свел знакомство с интересным человеком, то да сё, и вот я стал частью целой группы интересных людей, и мы, между прочим, спасаем мир. Надеюсь, рано или поздно и ты к нам присоединишься... Ну, так что мы решим? Будешь ты моим человеком и сбегаешь за мной, если няня заболеет?

Ди сказала, что сбегают, соображая, от чего друзья Амброуза спасают мир.

Прежде чем выйти из дому, Ди подсунула под голову няньке подушку, потому что достойной старушке поплохело на полу в ванной. Как учил Амброуз, Ди проехала две остановки на трамвае, сошла и направилась к перекрестку, где на указателях значилось «Улица Великого Наследия» и «Лигейт-авеню». Свернув, Ди зашагала по Лигейт и через квартал увидела табличку «Улица Малого Наследия». Как ее брат и описывал, второй дом от угла был сложен из красного кирпича, а по обе стороны от входа росли два высоких стройных дерева.

Ди перебежала улицу, подошла к красной двери с выложенным серебром треугольником и постучала.

Δ

Швейцар выслушал имя Амброуза, поприветствовал Ди в Обществе психейных исследований и пропустил в выложенную плиткой переднюю. За тяжелыми портьерами открылся бескрайний зал.

– Гранд-холл, мисс, – объявил швейцар.

Он велел ей повременить, пока он отвлечет молодого джентльмена от его занятий, и вскоре скрылся за другой портьерой в дальнем конце зала.

Ди не отказывалась подождать там, где ее оставили. Ее родители являлись людьми весьма зажиточными – у Ди были и пища, и одежда, и кров, – но подчеркнуто роскошное, почти царственное величие зала, куда ее привели, ошеломляло. Ди почувствовала, что ее искренняя преданность брату вознаграждена сверх самых смелых ожиданий, и жалела лишь об одном: что не взяла с собой Бэби.

Книжные полки тянулись во всю немалую длину боковых стен и высились до самого потолка, где созвездие цветных шаров – планет, как догадалась Ди, – балансировало на хитроумном механизме из изогнутых серебристых проволочек. В центре устройства был самый крупный шар – солнце, выкрашенное желтой краской. Конструкция медленно вращалась по часовой стрелке, и острые лучи света кололи выпуклые бока планет.

В зале шла тихая сосредоточенная работа. В центре красного ковра с золотыми узорами за письменным столом сидела женщина, согнувшись над огромной книгой. Широкие поля эффектной дорожной шляпы, украшенной цветами и жемчугом, закрывали лицо незнакомки. С помощью некоего измерительного инструмента дама что-то чертила в своем грессбухе. На стремянке, прикрепленной к стене, стоял человек, читая названия на книжных корешках на самой верхней полке. В углу зала небольшая компания пила что-то из чашек и с блюдечек, оживленно общаясь. Две одинаковые дамы – близнецы! – в длинных платьях с высокими воротничками тихо переговаривались друг с другом, стоя перед шаром на бронзовой подставке.

В кожаном кресле перед мраморным камином дремал развалившийся пожилой джентльмен в твидовых бриджах. Даже во сне он казался занятым: руки у него были засунуты под мышки, рот приоткрыт в задумчивой улыбке, а на щеке от жара камина цвел румянец.

Пахло в зале чудесно: кедром, дымком, дорогой кожей, полиролью и воском.

Ди балансировала на краю необъятного ковра, утопив носки туфель в винно-красный ворс со сложной вязью треугольников – как на двери особняка Общества, только золотых, а не серебряных, – а пятками стоя на пороге. Тяжелая портьера касалась ее спины. Еще чуть-чуть вперед или назад, и Ди потеряет равновесие. И как у брата хватило храбрости пройти дальше порога?

Она принялась смотреть вверх, на планеты, решив, что если она на чем-то сосредоточится, то не будет отличаться от остальных и на нее не обратят внимания. Сквозь гул разговоров ее детский слух различал высокое монотонное гуденье крутящегося аппарата с проводочками.

– Добро пожаловать, добро пожаловать! Именно свежая кровь делает наше Общество бодрым и энергичным! – Джентльмен, только что дремавший в кресле, вдруг оказался перед Ди. Он по-прежнему сиял улыбкой и держал руки под мышками, будто у него зябли пальцы. Серовато-белые, как фабричный дым, волосы обрамляли его лицо крупными завитками, а жилет под твидовым пиджаком был золотистый, блестящий. Ди и не знала, что существуют такие жилеты. Ей показалось, что этот человек занимает какой-то очень почетный пост.

– Я не член Общества, сэр, я только жду своего брата Амброуза – Ди отступила от кромки ковра, вернувшись под сень портьер. В случае чего она нырнет под тяжелую ткань и со всех ног припустит через переднюю.

– Амброуза? Прелестно! Значит, ты гостья. И такая милая, красивая девочка! Надеюсь, ты тоже решишь к нам присоединиться. Как видишь, в нашем Обществе есть и женщины.

Ласковые манеры незнакомца и то, что руки он держал под мышками, немного ободрили Ди. Она несмело двинулась вперед, отойдя от портьер.

– Я оставила нашу няньку на полу ванной. Она приняла слишком много лекарства.

– Весьма распространенная проблема. Ты ведь знаешь решение, не правда ли?

Ди помотала головой.

– Надо дать ей еще лекарства! Запомни.

– Запомню, сэр.

– Вот и хорошо. Как тебе зал?

– Очень нравится, – призналась Ди.

– А ты заметила планеты?

– Да, сэр.

– Не боишься, что одна из них сорвется со своего крючка, упадет тебе на голову и раскроит череп?

– Нет, сэр.

– Умница. Такого никогда еще не случалось – крючки и проволочки надежно укреплены. Тебе уже показали интерьер?

– Нет, сэр, мне сказали повременить тут.

– Так не годится обращаться с потенциальным членом Общества! Давай-ка что-нибудь посмотрим. Позволишь пригласить тебя на тур по залу? – Не вынимая рук из-под мышек, дружелюбный джентльмен кивнул вбок.

– Конечно, сэр.

Он двинулся по залу, петляя между письменными столами и зонами отдыха. Идя следом, Ди не отрывала взгляда от задников его мягких туфель и боролась с желанием наступать только на вышитые золотые треугольники. Никто не бросил на нее даже случайного взгляда.

– А теперь взгляни на это, дорогуша, только хорошенько взгляни и скажи, для чего служат эти вещи.

Они остановились перед маленькой эстрадой, торчавшей между двумя массивными стеллажами, как вытянутый язык. На эстраде стоял столик и внушительная прямоугольная коробка с красным бархатным нутром и красной дверью – целый шкаф. Дверцу шкафа покрывал узор из таких же серебристых треугольников, как на входной двери особняка Общества, только мельче. На столике лежали черная шляпа-цилиндр, черная палочка вроде дирижерской, разложенная веером колода карт и серебряное яйцо.

– Ну-с?

Джентльмен в золотом жилете смотрел на нее с юмором, комично прищулив один глаз и вытаращив другой. Он держался на удивление приветливо, и Ди решилась на откровенность, а не просто ответила, будто она не знает.

– Это для сюжетных игр, да? Чтобы унести все это в шкаф, надеть цилиндр, снова выйти с остальными вещами и рассказать какую-нибудь сказку?

Ди почти не сомневалась, что странный набор на столе для этого и предназначен. Дома она использовала свой гардероб как грим-уборную во время сказочных представлений, которые устраивала для няньки.

– Почти угадала, – восхитился веселый джентльмен. – Что за умница девочка! – Он фыркнул и потерся носом о плечо. – Перед тобой эстрада иллюзиониста, а это – инструменты одного фокусника, ценного члена нашего уважаемого клуба. Не знаю, что тебе известно об искусстве иллюзиониста, но это как рассказывать сказки. Скорее, это и есть рассказывать сказки. Иллюзионист излагает невероятную историю и приводит тебе доказательства, что это правда. Ушлый такой бизнес, вроде воровства, только иллюзионист крадет веру. А человек, который показывал фокусы на этих подмостках, был самым замечательным преступником, какого ты только можешь себе представить.

Национальный музей рабочего

Вход в массивное здание с фундаментом из грубых каменных блоков на углу Лигейт и Малого Наследия не украшали сады или декоративные кустарники – для них тут не было места: внушительная серая громада начиналась прямо на тротуаре. Стены взлетали ввысь прямо и широко, препоясанные пятью зелеными ремнями шелушащихся крашеных оконных жалюзи, по числу этажей. Ди показалось, что она и в детстве застала этого бетонного монстра, но при своих огромных размерах бетонная коробка оказалась ничем не примечательной, и детская память ее почти не сохранила, в отличие от нарядного особняка Общества с ярким кирпичным фасадом. Бетонный монстр не походил на творение человеческой мысли – он словно выдавался из земли, как валун в поле.

Бронзовые буквы, прикрученные к стене над высокими входными дверьми, объявляли его название и назначение:

«Национальный музей рабочего.

Посвящается безымянным строителям».

В дверной проем, прикрытый тяжелыми металлическими створками, можно было въехать на лошади. Небольшая табличка на стене информировала всех любопытных, что двери изготовлены из переплавленных инструментов: узнаваемые фрагменты головок кувалд, молотков с круглым бойком и конусовидных выступов кузнечных наковален проступали на неровной поверхности, точно под простыней.

Роберт нажал на ручку правой створки, и дверь приоткрылась – музей оказался незапертым. Ди заметила, что ее лейтенанту это не понравилось. Сложно было определить, посещал ли кто музей после свержения правительства Короны.

– Я могу найти и другое занятие, это неважно, – сказала Ди. Теперь место действительно не играло особой роли – были и другие учреждения и другие задачи.

– Сейчас все важно, – отмел ее возражения Роберт. – Теперь это принадлежит народу.

Он придержал дверь открытой, а Ди нашла на полу за порогом железный стопор и вставила его в щель.

Узкий луч дневного света пробил царивший в музее мрак, упав поперек широких ступеней, ведущих в галерею первого этажа. Роберт сказал, что ему лучше идти первому («Вдруг там притаились королевские недобитки»), и взбежал по короткому лестничному маршу. Ди последовала за ним, не выждав ни минуты.

На первой площадке стояла будка билетной кассы, а впереди в туманной коричневой полутьме тянулась галерея; свет сочился между планками закрытых ставен в бесконечных стенах. Пахло пылью, железом и кислым дымом с пепелища здания Общества.

– Эй, есть тут кто? Я лейтенант добровольческого корпуса гражданской обороны, у меня есть постановление временного правительства, дающее мне право войти и распоряжаться этими помещениями! – Ее лейтенант достал из кобуры пистолет. – Я не причиню вам неприятностей – положите на пол все, что взяли, и выходите с пустыми руками, тогда я отпущу вас восвояси. – Его слова отдавались эхом, налетая друг на друга, прежде чем стихнуть.

Роберт поглядел на Ди, изогнув уголок рта. Она видела, как он напряжен; мимикой он спрашивал, действительно ли ему стоит пристрелить кого-нибудь и, более того, верит ли Ди, что он на это способен.

Шесть месяцев назад, когда они познакомились, Роберт грыз гранит науки в университете. За сорок восемь часов беспорядков и вооруженных стычек, ограничившихся пределами правительственного округа, ее лейтенанту так и не довелось понюхать порошу. Его поставили на западном берегу у Южного моста через Фейр и выдали ножовку, велев в случае поступления соответствующего приказа перерезать телеграфные провода. Роберт еще шутил с Ди об удивии-

тельной тривиальности своего поручения. От скуки он читал граффити, которыми были кругом исписаны ламповые опоры, и поделился принесенным с собой хлебом с маленькой попросайкой из Лиса.

– Не скажу, что боевые действия оказали на меня расслабляющий эффект, – рассказывал Роберт, – но на своем посту я почерпнул весьма полезную информацию. Ты, например, знала, что пиво в «Стилл-Кроссинге» в основном состоит из речной воды, но смешано с мочой и уксусом, поэтому пить его безопасно?

Ди не знала, трус Роберт или нет. Ей неоткуда было это знать – Роберт и сам еще не разобрался. Она только порадовалась бы, если бы ее лейтенанту никогда не пришлось это выяснять. Ди поправила ему зеленую повязку волонтера.

– Если здесь и побывали мародеры, лейтенант, они, по-моему, уже ушли.

– Согласен, – отозвался Роберт, глубоко вздохнул и аккуратно убрал пистолет в кобуру, застегнув пуговку.

Ди поцеловала его в щеку.

Он удовлетворенно заурчал и провел рукой по ее боку, притиснув ребра. Ди вывернулась и подошла к ближайшему окну. Распахнув ставни-жалюзи, она пошла по галерее, резко открывая одно окно за другим. Ставни гулко стукались о стену, и деревянные половицы разворачивались широкой ковровой дорожкой, полосатой от пыльного солнца. Первым экспонатом, который удалось разглядеть в хлынувшем в галерею свете, оказалась модель какого-то увеличенного шестереночного механизма, смонтированная посреди зала. Плакат под потолком гласил: «Машины и их операторы». Экспозиция первого этажа была посвящена достижениям механики – печатному станку, пилораме, паровому двигателю, хронометру, велосипеду, а заодно инженерам и операторам, управлявшим этими механизмами. Крупные экспонаты перемежались компактными застекленными витринами, установленными на деревянных помостах.

Распахнутые навстречу дню, окна по левой стене музея выходили на Лигейт, тогда как окна справа, серые от копоти недавнего пожара, позволяли увидеть руины сгоревшего здания Общества. Окна на торцевой стене выходили на задний двор соседнего посольства неведомых империалистов.

Электричество в музей не проводили: к стенам были прикручены давно не чищенные газовые лампы. Ди повернула у одной краник, услышала шипенье и сразу перекрыла газ.

Роберт подозвал ее к шестеренкам – экспонат оказался интерактивным. Шестеренок было три, каждая высотой с лейтенанта. Роберт подтолкнул первую, та, в свою очередь, зацепила зубцы средней, которая повернулась и задействовала третью, отчего весь слегка приподнятый круглый пол под шестернями начал медленно вращаться. Зубцы шестеренок лязгали, и вращение платформы сопровождалось скрипучим бурчаньем.

– Нужно смазать, – постановил Роберт.

К некоторым моделям приставили восковых специалистов. Печатник в красных нарукавниках изучал газетную ленту, выходившую из печатного станка. У пилорамы стоял, упершись руками в бока, лесозаготовщик с трубкой в искривленном рту и скептически наблюдал за действием. Два восковых человека в длинных кожаных перчатках и кожаных фартуках обслуживали паровой двигатель; щеки у них рдели пунцовым румянцем и были испещрены беловатыми каплями, изображавшими пот от нестерпимого жара. Молодой механик ковырял отверткой болт на переднем колесе велосипеда, пока наездница в длинной юбке удерживала своего железного коня вертикально за руль. При этом восковые фигуры не походили друг на дружку; подобно живым горожанам, манекены отличались друг от друга вплоть до оттенков кожи и телосложения.

Лестница в конце зала вела на второй этаж, в галерею, посвященную ручному труду. Здесь свет, хлынувший через распахнутые Ди окна, позволил приобщиться к профессиям

каменщика, охотника, обдирщика шкур, ковроткача, веревочника, портного, гончара, торговца и пекаря.

Булочница вынимала из печи железный лист с деревянными буханками, добела затертыми руками недоверчивых посетителей. Роберт взял одну, взвесил на ладони и положил обратно с глухим стуком.

– Зачерствел, – сообщил он восковой женщине, стоявшей с болезненно напряженным лицом. Ди подумала, что булочница, должно быть, устала держать противень столько лет да еще и терпеть насмешки насчет своего деревянного хлеба: ее восковые глаза покрывал тонкий слой пыли.

Веревошница, сразу показавшаяся Ди очень знакомой, сидела в гнезде из перепутанных конопляных пряжей. Ее морщинистые щеки весело круглились – вот-вот прыснет смехом. Грубые саржевые штаны каменщиков подпоясались кусками белой бечевки – Ди догадалась, что ремни, видимо, кто-то украл. Тонкая пыль покрывала глаза и этих фигур. У гончара несколько мисок и ваз были разбиты и заново склеены.

Галерея третьего этажа называлась «Дороги, которые мы выбираем». Здесь восковые вагоновожатые вели трамваи, машинисты держались за рычаги паровозов с двумя-тремя вагонами, кучера управляли экипажами, а команда моряков выполняла свою работу на галфдеке китобойного суденышка, утвержденного на деревянных лесах посреди зала.

У многих восковых манекенов, хоть и выполненных на редкость подробно и правдоподобно, зияли лысинки там, где выпали или были вырваны волосы. Встречались повреждения и посерьезнее: недостающие пальцы, стесанная кожа, треснувшие или вовсе отсутствующие глаза. Иные фигуры, подобно каменщикам, тоже стали жертвами воришек, лишившись подобного им снаряжения: собирательница устриц, например, вместо железного ведра держала вытянутое ведро для угля. Большинство демонстрационных механизмов были сломаны: из полудюжины паровозных свистков, укрепленных на столе, чтобы пробовать детям, лишь самый маленький реагировал на нажатие кнопки, испуская обиженный стон, а насос, питающий колесо пилорамы, не качал воду. Авральные меры – не слишком старательные попытки исправить ситуацию (подпоясанные веревкой штаны каменщиков, ведро для угля с выступающей «губой») – отдавали халтурой, равнодушием незаинтересованных рук.

Рядом с некоторыми экспонатами на стенах или спинках скамей были привинчены памятные таблички с именами донаторов. Даты говорили сами за себя: в последний раз музейная экспозиция пополнялась больше двадцати лет назад. Ди сомневалась, что Национальный музей рабочего подвергался серьезной опасности расхищения – вернее, дальнейшего расхищения, если вспомнить ремни каменщиков и ведро собирательницы устриц: экспозиция уже давно не представляла интереса для посетителей. Да и возможностей пожить в городе стало хоть отбавляй.

На четвертом этаже размещалась экспозиция «Популяризаторы и хранители знаний», а на пятом, и последнем, – «Из земли и камня: шахты, фермы и леса».

Δ

В дальнем углу галереи пятого этажа, у ручья, сделанного из толстого стекла, притулилась эрзац-хижина золотоискателя. В ручье под прозрачной поверхностью на проволочных петлях висели керамические карпы. Восковой старатель, промывавший в лотке песок, был по щиколотку заключен в стеклянную воду. Поодаль его жена развешивала выстиранные тряпки на бельевой веревке.

Роберт уселся на один из плетеных камышовых стульев перед входом и положил руки на колени.

– Сказать тебе, что я думаю? По-моему, это на редкость показательно, Дора. Это заведение – готовая иллюстрация.

– Хм? – Ди ступила на стеклянный ручей и легко прошла, оставляя маленькие следы на пыльной поверхности.

– Возможно, ты заметила отсутствие в экспозиции фигур королей, или герцогов, или министров, или мэров, или законотворцев. Весьма странно, не правда ли? Люди, в руках которых сосредоточено богатство нации, те, кто выносит судьбоносные судебные вердикты или принимает решение о начале войн, – их нет в музее рабочего человека. Отчего это, как ты считаешь?

Ди не заметила ни экспонатов, прославлявших профессию домашней прислуги, ни даже скромной восковой уборщицы с метелкой в руках, неслышно выполняющей свои обязанности, но на всякий случай промычала что-то одобрителное.

– Красноречиво, не правда ли? Устроители, конечно, действовали без задней мысли, а между тем посмотришь – и доходит, что людям определенных занятий не место среди рабочего люда, ибо они не приносят никакой пользы. Во всяком случае, обществу. А взгляни, в каком небрежении экспонаты! Повсюду грязь, облупленные места, одежда на манекенах расползается от ветхости, еле держится или вообще отсутствует, ни черта не работает – это ужасающе точная аллегория того, как сильные мира сего смотрят на простой народ, вернее, привычно не замечают его... – Увлечшись, Роберт говорил и говорил, затронув, в частности, первичные комитеты, которые уже создаются в городских кварталах; группы специалистов, которые станут распоряжаться ресурсами честно и эффективно; своих зашоренных, ко всему безразличных родителей, по-своему неплохих, но не знающих ничего за пределами своего поместья в северных провинциях; штабеля наличных, обнаруженных в сыром подвале особняка премьер-министра, сгруженных на паллеты, в темноте, заплесневевших и полуразложившихся: этих денег хватило бы накормить тысячи голодных, а их, деньги, буквально бросили гнить... – Я бы рад назвать это метафорой того, чем больна наша страна, да только это были настоящие банкноты, превратившиеся в компост...

На его щеках вспыхнул румянец, на лбу выступил пот, глаза расширились, выпучившись, будто у лягушки. Ее лейтенант снова стал мальчишкой, которого университетские приятели звали Бобби.

Пока он распространялся, как они планируют, фигурально выражаясь, пробурить все слои экономики, чтобы богатство широким потоком устремилось вниз, к пересохшим от недоедания корням нации, Ди вспоминала, как впервые увидела Роберта на университетской площадке, где шла оживленная игра. Ди как раз двигалась по краю двора, неся стопку сложенных простыней в один из жилых корпусов, когда Роберт, в зеленых от травы шортах и разорванной полосатой футболке, вырвался вперед с кожаным мячом под мышкой, со смехом крича догонявшим его юнцам: «Никогда, никогда, никогда!» Ди переполнило ощущение чего-то прекрасного; ей хотелось снова и снова слышать этот счастливый смех юного упоения собой и беспечного наслаждения молодостью.

– И не стоит удивляться, – вернулся наконец ее лейтенант к основной теме, – что здесь царит запустение. Какой рабочий захочет прийти сюда, если сфере его деятельности воздают так мало уважения?

Спроси лучше, могла бы ответить Ди, какой рабочий захочет тратить свои драгоценные свободные часы, осматривая восковые фигуры других рабочих.

– Чему ты улыбаешься? – спросил Роберт. Ему бы в жизни не пришло в голову, что Ди находит его забавным, и тем более – что таким в ее глазах он становится еще привлекательнее.

– Я улыбаюсь, лейтенант, – отозвалась она, – потому что меня только что посетила мысль, как еще можно выразить нашу признательность рабочим. – Ди расстегнула три пуговицы своего серенького платья и стянула сначала рукава, а потом и все платье, вышагнув из него.

Δ

Они занимались этим сперва на стеклянном ручье, а во второй раз, по настоянию лейтенанта, на длинном прилавке в галерее четвертого этажа, где восковые банковские кассиры сидели в ряд, отсчитывая сдачу из ящичков и изучая бумажные полоски с цифрами, выползавшие из печатных машинок под стеклянными колпаками. Роберт говорил не умолкая:

– Что за шоу ты для них устраиваешь! О таком вкладе мечтает каждый бухгалтер!

Перед каждым кассиром стояла тарелка с разнокалиберными серебристыми шайбами. Ди держалась за края прилавка, и с каждым сотрясением металлические кругляши дребезжали, подпрыгивая на тарелках, а иногда соскакивали с прилавка и раскатывались по половицам. Бумажные полоски, свисавшие из восковых пальцев до пола, издавали слабый шелестящий звук.

Ди не ощущала ни возбуждения, ни удовольствия: в основном она чувствовала одни толчки. При всех прочих достоинствах ее лейтенант был плохим любовником. Его трепотня во время секса утомляла. Раньше Роберт говорил о том, как трахнул бы ее в пустыне, вминая в песок, пока волки будут смотреть на них и выть; он говорил о том, чтобы трахнуть ее в лодке на реке, пока люди на берегу играют себе как ни в чем не бывало; он говорил о том, чтобы трахнуть ее на людной улице, трахнуть ее в трамвае, набитом пассажирами, трахнуть ее на глазах публики в городском оперном театре, трахнуть ее на спине статуи тигра у мирового суда, к удовольствию туристов. Предлагались и иные многочисленные сценарии, которые Ди позабыла или, отвлекшись, не услышала.

Ди не шокировали эти фантазии, но это были *ego* фантазии, в них не оставалось места для нее, какой Ди себя понимала. Ее собственные фантазии больше сосредоточивались на том, каким она впервые увидела Роберта – с раскрасневшимися от бега щеками, с зажатым под мышкой мячом, обогнавшего других игроков. Ей хотелось, чтобы кто-то хотел ее так, как Роберт хотел убежать от соперников, – эйфорически, ликующе, упоительно. Это ее заводило. Только их самый первый, импульсивный любовный опыт оказался чем-то похожим; потом начало казаться, что Роберт гонится за собой самим и одновременно пытается убежать от себя. У ее лейтенанта было доброе сердце, но в этом отношении он оказался больше мальчишкой, чем надеялась Ди.

Прилавок качнулся в последний раз. Роберт вскрикнул и обмяк.

Ди повернула голову в сторону. Один из кассиров буквально нависал над ней. Зеленый козырек заслонял его глаза, но позволял видеть широкую улыбку.

Δ

За будкой билетной кассы отыскалась дверь с табличкой «Куратор» с облезшей позолотой. За дверью оказался маленький кабинет без окон. Ключ от музея висел на гвозде с обратной стороны двери – неуклюжий, громоздкий, длиной с руку Ди.

Оставив своего лейтенанта в этом жалком офисе, Ди вновь поднялась на пятый этаж, где заприметила воскового сборщика фруктов с торбой из мешковины. Сняв лямку сумки с шеи манекена, Ди вывалила деревянные яблоки к его ногам. Кто-то уже поживился, забрав у сборщика, весь гардероб которого состоял из саржевых штанов и обвислой соломенной шляпы, один стеклянный глаз. Ди почувствовала себя немного виноватой за усугубление и без того нелегкой судьбины манекена. Но если она возьмется за этот музей, сборщик в каком-то смысле тоже будет ее, как и все другие фигуры.

– Я скоро верну тебе сумку и посмотрю, что можно придумать насчет глаза, – пообещала Ди. Рано или поздно она привыкнет к восковым фигурам, но пока казалось неправильным

ничего не сказать. В манекенах чудилась та же важность, что и у трупов в открытых гробах: фигуры не казались живыми, но не выглядели и мертвыми.

Ди подошла к окну, заслоненному хижинкой, ступая по вделанному в пол участку земли, который под взглядом своей восковой гончей не очень убедительно обрабатывал восковой фермер, державший в руках метлу вместо мотыги. Из окна Ди выглянула вниз, на руины здания Общества. Сверху развалины походили на вспоротый живот. Почерневшие кирпичи, закопченные балки, обгорелая черепица – все смешалось внутри устоявших внешних стен. Глаз различал легкие подвижки в кучах щебня, сыпавшиеся здесь и там ручейки камушков и гипса – пепелище еще не устоялось. На уровне второго этажа из дальней стены торчал обломок пола; под ним Ди узнала эстраду, на которой некогда были выставлены предметы, принадлежавшие кудеснику-иллюзионисту.

На подмостках по-прежнему стоял волшебный шкаф, но дорогая ткань, которой он был обит изнутри, выгорела, и дверца исчезла. Теперь шкаф напоминал черную коробку. От стола с атрибутами фокусника – цилиндром, палочкой, картами и серебряным яйцом – ничего не осталось. Насколько удалось различить, единственными узнаваемыми элементами внутреннего убранства оставались торчащий выступ второго этажа и обгоревший шкаф.

На газоне перед сгоревшим особняком пушистая белая кошка подлезла под косо торчащую дверь, глубоко зарывшуюся углом в мягкую землю, и принялась тереться о нижний край.

Даже на уровне пятого этажа на стеклах тончайшими волнами осела сажа. Ди воспользовалась собственным грязным отражением, чтобы поправить чепчик.

Δ

Роберт с задумчивым видом сидел на единственном стуле, поставив локти на стол и положив подбородок на сплетенные пальцы. Единственным недвижимым имуществом в кабинете, не считая гвоздя для ключа в двери, был колодок для одежды, на котором висел драный твидовый пиджак. Единственным украшением офиса служил ферротип с портретом августейшего отца свергнутого короля, чье правление пришлось на юность твидового пиджака. По причине отсутствия электричества в кабинете куратора не имелось ни индукционного телефонного аппарата, ни провода, чтобы его подключить.

Да, подумала Ди, Национальный музей рабочего давно не видел посетителей. Что-то стало с предыдущим куратором? Судя по всему, надобность в нем давно минула.

Роберт спросил:

– Дора, ты уверена? В городе множество музеев и библиотек, можем найти что-нибудь поуютнее, где меньше восковых фигур.

Ди ответила, что в этом нет необходимости.

– Этот музей отлично мне подойдет, лейтенант.

Роберт улыбнулся и ударил ладонью по столу:

– Ну, будь по-твоему! Отныне ты новый куратор.

Ди обошла стол сбоку и остановилась над своим лейтенантом.

– Так оно и есть. Почему ты в моем кресле?

Δ

В постановлении, подписанном порученцем Кроссли, Роберт вымарал «Общество психических исследований» и аккуратно вывел «Национальный музей рабочего». Засим они вышли из здания, затворив тяжелую дверь и заперев ее за собой. Увесистый ключ Ди опустила в джutowую торбу.

Они шли вместе. Роберта ждало вечернее заседание чрезвычайной комиссии по правосудию, а Ди возвращалась в университет, в крыло прислуги, готовая приступить к новым обязанностям в музее с завтрашнего утра.

На углу Лигейт-авеню они обратили внимание, что, пока они были в музее, кто-то спустил империалистический флаг, реявший над посольством. Его место занял лоскут зеленой ткани, символизовавший революционное движение. Роберт сказал Ди подождать минуту, пока он представится тому, кто вступил в должность. На этот раз Ди послушалась.

На стук Роберта дверь открылась почти сразу. Свет заходящего солнца резал глаза, отражаясь в стеклах и оловянных крышах посольств и заставляя сверкать трамвайные рельсы, пересекавшие улицу вдоль. Щурясь, Ди смогла разобрать только смутный облик – густая борода, широкие плечи – собеседника Роберта. Беседа оказалась короткой, и вскоре лейтенант сбежал по ступенькам крыльца, а дверь посольства закрылась.

– Это один из капитанов Кроссли, – доложил он. – Зовут Энтони. Работает над вопросами безопасности.

Если у Ди возникнут проблемы или будет нужен телефон, пусть обращается в бывшее посольство. Ее сосед, капитан Энтони, ей поможет.

Джентль

«Саймон Джентль» было сценическим псевдонимом, но иначе иллюзиониста никто не звал. По-настоящему его звали не то Скотт, не то Алан, не то Сальвадор. Его вырастили собиратели устриц, которые спасли его младенцем из створок раковины огромного моллюска, оставшегося на песке во время отлива у Южного моста. Или же это были рыбаки, которые нашли младенца Джентля в пустой лодке в заливе. Или же он впервые осознал себя потерявшим память мальчишкой шести-семи лет, сидя на ржавом ограждении смотровых площадок скалистых западных берегов и что-то насвистывая. Когда на скалу поднялась женщина – впавшая в крайнюю бедность прислуга, решившая свести счеты с жизнью, мальчик спросил, не она ли его мама, и бедняжка ответила «да». Или же профессор педагогики усыновил сироту из Ювенильного пансиона, дабы развить этот малообещающий образчик босяка из Лиса и доказать совершенство своего педагогического метода. Словом, легенд имелось не счесть, и хотя Джентль отказывался подтверждать досужие домыслы, он ничего и не отрицал. Самое большее, в чем он когда-либо признавался, было: «Пусть я не всегда звался Саймоном, но Джентлем я родился».

Во времена Джентля власти косо смотрели на всякую ловкость рук и заклинания: закрепившаяся за фокусниками недобрая слава мастеров карманной тяги гремела громче, чем в нынешние дни, хотя в горных городках северных провинций до сих пор порой топят тех, кто якшается с лесными демонами или занимается иной непотребной волшбой. Однако Джентль был любимым исключением, потому что его иллюзии были очаровательны и подкупающе безобидны.

Серебряное яйцо, например, Джентль пускал по рядам, дабы желающие могли ощутить его вес и плотность. Когда любопытство зрителей бывало удовлетворено и яйцо возвращалось к фокуснику, Джентль объявлял, что свойство ртути – подвижность. Черной палочкой он широко писал слово «Сегодня» – светящиеся буквы повисали в воздухе, а в следующее мгновение разбивал их рукой. Разлетевшиеся буквы сами складывались в новое слово: «Завтра». Джентль ударял по этому слову своей палочкой, и светящиеся буквы осыпались на пол мельчайшим серым порошком. Тогда Джентль брал серебряное яйцо в руку и сжимал. Жидкое серебро просачивалось между пальцами, и он ловил капли в свою шляпу. В заключение иллюзионист переходил от зрителя к зрителю с маленьким пинцетиком и методично выдергивал по одному седому волосу с каждой головы, утверждая, что эти волосы побелели за время представления. Волоски он сжимал в кулаке, а когда разжимал, на ладони лежало целехонькое серебряное яйцо, а шляпа оказывалась пуста.

На другом представлении Джентль съедал колоду игральных карт. Усевшись за свой столик с флягой чая, чашкой и блюдцем, Джентль разрывал каждую карту на неровные кусочки и пережевывал. В процессе трапезы он то и дело останавливался пригубить чаю и промокал рот салфеткой. Джентль описывал вкус некоторых карт: тройка бубен вызывала в памяти мшистую прохладу грота, вход в который скрыт густыми виноградными лозами, шестерка треф напоминала соленое пиво, семерка червей ассоциировалась с нежным ветерком, валет пик походил на тот момент, когда вы понимаете, что ваш сын знает больше вас, и чувствуете гордость и смешанную с горечью радость от сложения с себя родительских обязанностей и первых, еще робких признаков приближающейся старости. Проглотив всю колоду, Джентль просил зрителей проверить ридикули и бумажники, и каждая дама находила у себя королеву треф, похожую на нее, а мужчины выуживали короля червей – копию себя. Джентль собирал королей и королев и складывал из них домик на своем столе. Закончив, он приглашал желающих из зала попытаться сдуть карточный домик (это ни разу никому не удалось).

В личной жизни Саймон Джентль был либо очень сдержан, либо бездарен. Он проживал в отеле «Метрополь» без жены или любовницы. После его кончины анонимная горничная из

«Метрополия» засвидетельствовала, что Джентль поддерживал безукоризненную чистоту, но пепельницы у него приходилось менять каждый день, потому что он много курил. Служащие «Метрополия» в один голос твердили, что Джентль обожал живой талисман отеля, знаменитую Талмейдж (в те дни – Талмейдж Третью) и всячески ее баловал. Фокусник приносил пушистой белоснежной красавице лакомые кусочки из мясной лавки и шутил, что научился всему у кота, который выглядел в точности как сам Джентль.

(На этом месте повествования лицо веселого джентльмена в золотом жилете исказила мимолетная гримаса.

– Не будем осуждать Джентля за его суеверные привязанности. Не забывай, дорогая моя, это происходило в более примитивную эпоху, и даже самые незаурядные люди порой теряют объективность.

Ди понимающе кивнула. Ее родители не были завсегдатаями церковных служб, но пренебрежительно отзывались о так называемых простых людях, которые верили, будто кошки священны, хотя эти мелкие хищники всего лишь глупые переносчики всякой заразы.

Саму Ди кошки восхищали; в детстве она мечтала о котенке. Она не считала, будто кошки распространяют болезни, и не верила, будто они глупы. Кошки вечно вылизываются, и выражение мордочек у них умное и созерцательное. Невозможно сказать, какие выводы для себя делают кошки, но очевидно одно: они всё воспринимают всерьез.)

Джентль жил в дотрамвайные времена, поэтому за ним водилась привычка гулять по городу. Иллюзионист был не чужд тайне, но отнюдь не таился: его видели на улицах, на тропинках в полях, на смотровых платформах западных скал. При встрече Джентль неизменно приподнимал шляпу. Худощавый, почти хрупкий, он не казался внушительным и походил на второстепенного персонажа, какими изобилует задний план знаменитых полотен: даже тонкие усики, оттенявшие верхнюю губу Джентля, художники обычно рисуют второстепенным персонажам. Он делал умеренные ставки на скачках и выигрывал не больше других. Став членом Общества психейных исследований, Джентль обзавелся друзьями в высших эшелонах власти, среди промышленной элиты и даже свел знакомство с представителями королевской семьи.

Δ

Вестибула, как он называл свой шкаф, играла ключевую роль в самой завораживающей иллюзии Джентля (как он раздобыл эту приладу, сконструировал ли Вестибулу сам или завладел иным способом, так и не удалось установить).

Для начала Джентль просил помощи у самой красивой дамы из аудитории. Когда доброволица поднималась на сцену, фокусник спрашивал, боится ли она смерти. Если дама признавалась, что боится, Джентль уверял ее, что это всего лишь перемена обстановки, вроде переезда в другой дом. Если же женщина отвечала, что она не боится смерти, Джентль поворачивался к зрителям и говорил: «Вот увидите, она передумает еще до конца представления».

Он открывал Вестибулу, давая обозреть пустой, обитый бархатом шкаф, обстукивал стенки изнутри и снаружи (никакого глухого эха ни разу не выступал) и галантно предлагал доброволице войти с ним в шкаф, обещая аудитории, что они вскоре вернутся. На этом дверца черного шкафа закрывалась.

Проходило десять или пятнадцать минут, в течение которых квартет, сидевший у сцены, настраивал свои инструменты. Потом музыканты начинали играть вальс. На вторую или третью долю дверца шкафа распахивалась, и оттуда, кружась в танце, выплывали фокусник и его добровольная помощница, однако выглядели они иначе: его голова сидела на ее шее, а голова женщины – на шее Джентля. Пока аудитория была от ужаса и удовольствия, пара красиво вальсировала. Когда вальс подходил к концу, Джентль опускал голову на собственное плечо, а жен-

щина, носившая его тело, вела их в танце обратно в Вестибулу, и дверца со стуком закрывалась за ними.

Когда через минуту-другую шкаф открывался, Саймон Джентль и его партнерша по танцу выходили с собственными головами на плечах. Красавица часто двигалась будто во сне. Иллюзионист хватал ее за руку, на которой можно было заметить капельку крови на указательном пальце, и толкал даму в низкий поклон.

Шоу Джентля приводили публику в восторг и собирали аншлаги. Все с нетерпением ждали продолжения: чем же он сможет превзойти Вестибулу?

Джентль и не смог.

Δ

Один ревнивый муж нанес Джентлю с десятков ударов ножом в живот и пах, оставив иллюзиониста истекать кровью на ковре в большом зале Общества. Жена этого человека во время представления вызвалась войти в Вестибулу, и ревнивец кричал, что Джентль позволил себе вольности. Остаток жизни та дама настаивала, что это неправда, описывая свое пребывание в шкафу теми же туманными словами, что и остальные добровольцы: там находилось окно, на оконном стекле сменялись разные лица, фокусник помог ей надеть его отражение, сам надел ее отражение и предложил ей тур вальса. Они вышли в танце на сцену и снова зашли в шкаф. Когда женщина вернулась в зал, в памяти у нее были провалы, но физически ей не причинили никаких неудобств, если не считать крошечного прокола на указательном пальце.

Муж ей не поверил и после нападения угрожал ножом обступившим его членам Общества, порывавшимся подойти и оказать помощь раненому.

– Его лицо... – стонал Саймон Джентль, извиваясь на ковре. – Его настоящее лицо...

На густо-красном ковре так и осталось бурое пятно, очертаниями напоминающее карту материка, а два треугольника превратились из золотых в коричневые.

– Мы считаем, что это его кровь, но точно не уверены, – рассказывал Ди ее новый знакомый в золотом жилете. – У нас с тех пор несколько раз был ремонт... – На протяжении всего рассказа руки веселого джентльмена оставались зажатými под мышками, но один рукав у него съехал, обнажив полоску шелушащейся бледной кожи. – Экстраординарная, экстраординарная история.

Конец рассказа смутил Ди. Что произошло в шкафу, раз этот муж так взбесился, что убил Саймона Джентля? И какие такие «вольности» позволял себе фокусник? Но больше всего Ди волновала судьба любимицы иллюзиониста: что-то случилось с чудесной балованной белой кошкой, которая жила в отеле? Ди подмывало попросить собеседника показать руки, но она понимала – это будет неприлично. Еще она хотела спросить, нельзя ли ей войти в шкаф – не закрывая дверцы, конечно, – и простучать стенки, как делал Саймон Джентль, но Ди и на это не осмелилась.

– Спасибо, что рассказали мне такую историю, – сказала она вместо этого. – Когда я подрасту, я обязательно разберусь в ней лучше.

Джентльмен развеселился еще больше и похвалил ее за то, что она такая милая и смущенная девочка.

Наконец из-за второй портьеры показался Амброуз, и вскоре они с Ди бежали на трамвай, оставив позади нарядный особняк красного кирпича.

Дома няньке уже удалось принять сидячее положение.

– О, мои ужасные нервы!

Амброуз подал ей новую бутылку тоника, и крупная дрожь у няни унялась как раз вовремя – за минуту или две до возвращения матери семейства.

Вечером брат пришел в комнату Ди и присел у ее кровати. Ди достойно справилась с поручением, и Амброуз гордился сестренкой. В темноте его заячья улыбка точно плавала в воздухе.

– Как тебе этот тип в золотом жилете?

– По-моему, он потешный и нескучный дядя, – сказала Ди.

– О, это уж точно, – отозвался Амброуз, пряча лицо в ее одеяле, чтобы заглушить смех.

Ди тоже пришлось зажать рот ладошкой.

– А зачем ты ходишь в тот дом? – прошептала она.

– Я тебе уже говорил – мы пытаемся спасти мир, – сказал Амброуз. – А может, и не только этот. Может, мы сможем принести добро и в другие миры. Потому что миров как волос у тебя на голове, Ди. Нам лишь нужно отыскать места, где прядки пересекаются. Что ты об этом думаешь?

Ди машинально провела пальцами по волосам.

– От этого у меня голова чешется, – призналась она, вызывая у Амброуза новый приступ смеха и прыснув сама.

Брат так и не сказал ей, что происходило за портьерой в дальнем конце большого зала, куда допускались только члены Общества вроде него самого и джентльмена в золотом жилете.

Тот, кто в состоянии записать пару слов

Вечером в зале верховного суда на заседании чрезвычайной комиссии по правосудию три главы временного правительства восседали за столом у подножия судейской кафедры. На стене выделялись бледные квадраты на месте снятых портретов короля, королевы и главного министра. Зал заполняли в основном волонтеры из студентов – приятели Роберта – с зелеными повязками, туго затянутыми выше локтей, но присутствовали и солдаты вспомогательного корпуса Кроссли. Члены профсоюзов сгрудились на галерее; лейтенант обратил внимание, что они, будто подчиняясь неписаному кодексу, носили свои зеленые лоскуты не на рукавах, а как шейные платки.

Первым председателем временного правительства был Джонас Моузи, выдвиженец от профсоюзов грузчиков и других портовых рабочих; вторым – ровесник Роберта и его знакомый по университету Лайонел Вудсток, организатор студенческих протестов, а третьим – драматург Алоис Ламм, рассеянный старик восьмидесяти с лишком лет, которого Кроссли назначил исполняющим обязанности премьер-министра. Тройка получилась на редкость разношерстной: члены нового правительства разительно отличались буквально всем. Роберт не мог избавиться от мысли, что происходящее напоминает не политическую конференцию, а первое знакомство троих уцелевших при кораблекрушении на чужом и негостеприимном берегу: так и подмывало делать ставки, кто первым подберет булыжник и попытается раскроить головы остальным. От правительства переходного периода Роберт ожидал большего, но он сказал себе, что постепенно все притрется и наладится и, в конце концов, временное правительство – оно же не навсегда.

Моузи назвал наивным предложение Лайонела заново переписать уголовный кодекс – вот так запросто, с кондачка.

– Ставите человека перед присяжными и говорите, что он сделал, потом он со своей колокольни излагает, что он сделал, а присяжные решают, что правда, а что нет. – Профсоюзный вождь был огромным, мрачным, раздражительным детиной и сидел, навалившись на стол, взбугрив плечи и сложив огромные руки на груди, сердито сверкая глазами из-за горы своих мышц. – Чем вам это не нравится?

– Не то чтобы мне что-то не нравится, – медленно заговорил Лайонел, моргая за стеклами очков. Тщательность формулировок выдавала в нем оратора университетского дискуссионного клуба. – Но нам нужна уверенность в том, что мы знаем, что делаем.

– Я знаю, что я делаю, – отрезал Моузи.

– Я и не утверждаю, что вы не знаете, – парировал Лайонел.

– Джентльмены, джентльмены, – вмешался Алоис Ламм, из которого сыпались либо прописные истины, либо дежурные фразы, либо дежурные истины, – мы должны быть абсолютно понятными. Народу нужно все видеть, народу нужно все слышать. Ответы должны угадываться в самих вопросах, верно?

И драматург, восхищенно цокнув языком от собственной мудрости, кивнул убеленной сединой головой.

После реплик Ламма неизменно наступала пауза, пока Моузи и Лайонел силились отгадать, на чьей он стороне. В университете Роберт читал одну из пьес Ламма, «Ловушка для волка», вернее, пьесу прочла Дора и пересказала ему содержание. Речь там шла о двух людях, которые поймали дьявола, но, как сказала Дора, на самом деле это дьявол их поймал. Роберт еще подумал с тоской: какая нелепая тягомотина, однако происходившее в зале суда мало чем уступало сюжету «Ловушки».

– Даже у суда присяжных должны существовать правила, – сказал Лайонел.

– Суд присяжных – само по себе правило, – отбрил Моузи.

– Признание хочет быть весомым, – проскрипел Алоис Ламм. – Но нужна ли ему весомость? Я не уверен. Убежденность и доверие – вот стержень всего предприятия, подобно старому хребту огромного зверя...

Прения продолжались в том же духе, и где-то посреди затянувшегося обмена мнениями насчет мудрости решения Кроссли без промедления распустить остатки констебулярии⁶ и запретить полицейские участки вплоть до набора и обучения новых констеблей мысли Роберта, несмотря на все его усилия не отвлекаться от важных тем, тихонечко ушли к Доре. Он обожал свою маленькую горничную, обожал звук ее негромкого голоса, когда она произносила: «Лейтенант», отделяя каждый слог, будто дольку шоколада: лей-те-нант. Он со сладкой истомой вспоминал, как она выглядела, вытянувшись на фальшивой банковской стойке в музее, когда ее маленькое тело казалось бесконечным в своей наготе. Дора была удивительно легкой – даже странно, что она ходила, как все, по земле: сейчас в фантазиях Роберта она плыла с места на место, как облачко тумана. Отчего же он торчит здесь, когда мог находиться рядом с Дорой и обнимать ее? Как он допустил такое? Революция была необходима, чтобы повысить уровень жизни низших классов, вернуть им человеческое достоинство и дать возможность обрести голос, но ведь есть же еще и Дора, парящее облачко под носом восковых кассиров, и Дора тоже необходима!..

Удар деревянного молотка возвестил об окончании собрания.

Сидевшие рядом волонтеры, которым не терпелось выбраться из переполненного, душного зала, живо заставили Роберта подняться. Он медленно двигался по ряду, неловко сутулясь. О каких принципиальных судебных правилах удалось договориться и удалось ли вообще, улажен ли вопрос с констебуларией, он не знал, да и не интересовался: основной заботой было не задеть кого невзначай эрегированным членом.

Кто-то схватил его за локоть, и Роберту показалось, будто желудок сжала невидимая рука: он не сомневался, что его эрекцию заметили.

– Вот же хлебом не корми, а? Развели говорильню... Слушайте, сэр, у вас, наверное, времени ни минуты, и мне крайне неприятно вас беспокоить, но мне нужен кто-нибудь, способный записать пару слов. Дело конфиденциальное. Очень обяжете. – Роберт извернулся и увидел сержанта Ван Гура, порученца Кроссли, который помог им с Ди утром. Сержант шел по соседнему ряду. – Вы что-то сутулитесь. Никак спину потянули?

– Да вот, затекла. – К замешательству Роберта прибавилось раздражение на наблюдательность сержанта. – Значит, вам требуется записать пару слов? Любых, в любом порядке?

Ван Гур заржал. Он так и держал Роберта под локоть, и они двигались параллельно по своим рядам. Изо рта Ван Гура несло несколькими ланчами, причем все они были с луком.

– Да там ничего особенного, сэр, клянусь вам! Срочно нужен человек, поднаторевший в письме. Я не забыл, как быстро и красиво вы настрочили бумагу для вашей мисс сегодня утром.

Большинство солдат из вспомогательного корпуса Кроссли были малоразговорчивы, а то и откровенно враждебны к студентам университета и представителям профсоюзов, создавшим добровольную гражданскую оборону и расхватывавшим важные посты во временном правительстве. Роберт их не винил. Прежде всего, они верны своему генералу. Во-вторых, солдаты необразованны и находятся на скудном денежном довольствии; самым ценным имуществом для них была форма, которую они получали в счет жалованья при поступлении на службу. Ван Гур, в сущности, такой же неуч, как его собратья, был приятным исключением со своей добродетельностью; вероятно, поэтому Кроссли и взял его себе в порученцы.

В ту ночь, когда восставшие захватили правительственные здания, именно Ван Гур принес Роберту ножовку, чтобы в случае необходимости перерезать телеграфные провода.

⁶ Полиция.

– Как увидите вспышки взрывов – значит, самое оно. Резанете разочек, провода и рассядутся. Потом сапоги долой, прыгайте в воду и плывите подальше от стрельбы. Мост здесь низкий, головой не приложитесь. Ничего с вами не случится в темноте, разве что шальной пулей зацепит, – объяснял сержант. – Главное, держитесь ближе к берегу, ясно?

– Ясно, – шипло прошептал Роберт. Ван Гур хлопнул его по плечу и сказал, что он – золото-парень.

Низенький, кривоногий, с желтушным цветом лица и каким-то ступенчатым носом – видимо, после давнего избиения, – сержант напоминал Роберту батраков в имении его отца, с которыми он все детство был на дружеской ноге. Не отец, а именно те работники научили Роберта ставить силки, курить трубку и, взяв в качестве примера жеребца и кобылу, наглядно объяснили механику полового акта.

Кстати, Роберт не был уверен, что отец хорошо разбирался в последнем пункте, да и вообще хотел разобраться. Продолжение рода – дело откровенное, можно сказать, голое, а такие люди, как его отец, больше всего на свете боялись наготы любого рода.

Следующим звеном в цепочке размышлений Роберта стало происходившее между родителями за дверьми спальни, и лейтенант почувствовал, что эрекция у него окончательно пропала.

Он охотно пообещал Ван Гуру записать все что нужно; в отношении конфиденциальности на него можно положиться. Роберт распрямился, когда они вышли в боковой проход, где толпа заметно поредела; его осенило, что Ван Гур, должно быть, не обучен грамоте.

– О, вот это славно! Благодарствую вас, лейтенант Барнс, сэр!

Порученец повел Роберта к одностворчатой двери в дальнем конце зала. Шпоры Ван Гура звенели в такт его торопливым шагам.

Роберту пришло в голову, что конфиденциальное дело, которое его повлекли фиксировать, окажется любовным письмом какой-нибудь душечке Ван Гура. Дору это позабавит. «А он говорил что-нибудь романтическое о ее утробе, лейтенант? – так и слышал Роберт ее негромкий голос, живо представляя полуопущенные веки Доры. – Я требую подробного отчета. Вы же знаете, как я люблю романтику».

Дора не походила на других горничных. Наедине с Робертом в ней появлялась уверенность, и между ними завязывалась маленькая игра в начальника и подчиненную, однако в присутствии других Дора стушевывалась. А еще она знала грамоту, в отличие от Ван Гура и большинства мужчин и женщин их класса. Не раз, как с той малопонятной пьесой Ламма, Роберт просыпался и видел, как Дора, опираясь локтем о подушки, читает его учебники при свете ночника. Когда Роберт спрашивал, что она думает о том или ином тексте, Дора неизменно отвечала: «О, я лишь искала, нет ли там чего-нибудь пикантного» – и откладывала книгу в сторону, хотя лейтенант подозревал, что Дора всерьез настроена на саморазвитие.

Теперь у нее появится такая возможность.

Они справились с задачей, объединив усилия, грамотные и неграмотные заодно: надали на тормоза государственной махины и остановили ее прежде, чем она успела поглотить новые жизни. Они вернули национальное достояние людям, которые его зарабатывали. Если Дора захочет вступить в один из женских комитетов, которые совсем скоро начнут возникать, или принять на себя иную роль в поддержке нового представительного правительства, ей никто не помешает это сделать.

И раз уж сержанту потребовалась помощь в составлении скабрёзной цидульки своей разлюбезной, он, Роберт, не откажет собрату по оружию в таком пустяке.

– Ну вот, нам прямехонько сюда.

Они прошли сумрачный холл, обшитый дубовыми панелями, и остановились перед массивной дверью. Рядом на скамье сидел человек в кучерском облачении – фрак и алый шарф,

повязанный на лоснящийся цилиндр. Руки возница плотно скрестил на груди, угрюмо выставив квадратный подбородок. Роберт невольно порадовался, что он не лошадь этого человека.

– Как вы управились, кстати? – Ван Гур остановился у двери, игнорируя мрачного кучера на скамье. – С музеем, за которым вызвалась присматривать ваша мисс? Психическое чего-то там или клуб какого-то доктора? На улице Наследия, я вспомнил! Или Малого Наследия?

– Мы осмотрели и приняли помещение, – коротко ответил Роберт, не собираясь объяснять Ван Гуру суть Общества психейных исследований: сержант мог и заинтересоваться. Ради духа товарищества Роберт, так и быть, поднесет ручку к бумаге, дабы описать все оттенки возбуждения Ван Гура, но склонен решительно подвести черту под обсуждением любых суеверий, которых придерживается этот порученец. Да и о внесенных в «постановление» исправлениях сержанту знать необязательно.

– Славно! – Ван Гур постучал по стене костяшками пальцев. – Прелестная девица ваша мисс.

– Она не моя мисс. – Пусть кое-кто из университетских приятелей в курсе, что Роберт связался с горничной, однако лейтенант отнюдь не стремился стать предметом сплетен среди нижних чинов. Он убеждал себя, что это и ради Доры тоже. – Она мой соратник по освободительному движению.

– Ну разумеется, сэр, – отозвался сержант грубовато-простецким тоном, в котором словно и не слышалось сарказма, и открыл дверь, прежде чем Роберт успел отреагировать.

Они вошли в кабинет главного судьи. Угол занимал огромный, словно грузовая баржа, стол, по обеим сторонам которого высились книжные стеллажи, уставленные увесистыми томами в красных и зеленых кожаных переплетах. За панорамным окном широкой сизой веной извивалась Фейр.

В креслах у стола сидели двое – так, наверное, сживали прежде юристы в частных беседах с главным судьей. Один из присутствующих был в военной форме; золотые галуны с кисточками на плечах указывали на офицерское звание, а медали и нагрудные нашивки позволяли догадаться, что это не кто иной, как генерал Кроссли, командующий вспомогательным гарнизоном. От этого Роберт опешил и мгновенно переоценил ситуацию, покосившись на Ван Гура. Сержант не скрываясь ухмылялся, наслаждаясь удивлением Роберта.

Напротив Кроссли восседал тучный человек в ослепительно белом пиджаке, словно только что вернувшийся с катания на лодке на Королевском пруду; этот был явно гражданский. Собеседники курили сигареты и потягивали прозрачную коричневую жидкость из бокалов граненого хрусталя. Кроссли сидел прямой как шомпол, с кислым лицом, зато человек в белом выходном костюме пребывал в великолепном настроении, выпуская сизый дым длинными струями.

– ...жиденский творог – единственное, что он может удержать в желудке. Жив, можно сказать, единым творогом, – говорил он. Повернувшись на звук открывшейся двери, толстяк воскликнул: – А, нашли секретаря!

Он жестом показал Роберту обойти стол и присесть. Ручки, чернила и бумага уже были приготовлены.

Едва Роберт опустился в кресло судьи, толстяк в белом пиджаке выжидательно взглянул на генерала. Генерал сверился с запиской, убрал ее в карман и приступил к формальному интервью. Широкое лицо и волна светло-желтых волос надо лбом у «белого пиджака» казались очень знакомыми, но лишь когда тот официально представился Рональдом Джоном Вестховером, Роберт понял, что перед ним не кто иной, как министр финансов смещенного правительства.

Кроссли попросил Вестховера дать анализ финансовой ситуации в стране.

Вестховер, покряхтев, кивнул, словно признавая справедливость этого вопроса, и начал с общих фраз, что для вникания в подробности понадобится не один вечер.

– ...баланс наличности уже некоторое время оказывался неблагоприятным, и это могло создать определенные неудобства...

Вестховер перевел стрелки на главного министра и советников Короны, принимавших решения с целью личного обогащения, однако напрямую их в коррупции не обвинил.

– ...в одних случаях распродавались права на разработку месторождений полезных ископаемых, в других – акции и облигации, но распродавались так, чтобы, пока текли народные денежки, неплохой ручеек струился бы в карманы отдельных личностей...

Вестховер не преминул подчеркнуть падение доходности военных контрактов с франками в свете недавних сокрушительных поражений на поле боя:

– ...если вы одалживаете свою армию по правильной цене, вы получите прибыль при любом раскладе. Хотя всех солдат перебыют начисто, свои деньги вы заработаете. При этом нельзя отрицать, что вы заработаете гораздо больше, если вас не перебыют поголовно, потому что в таком случае неминуемы расходы на набор и обучение новобранцев, а от этого страдает маржа, как вы сами понимаете...

Здесь Вестховер отступил от темы и высказался по поводу состояния ума Гилдерслива:

– Как ни уважаю я его за смелость и способность привлекать к себе симпатию огромных людских масс, Гилдерслив стар и болен и, чего греха таить, никогда не умел быстро ориентироваться в обстановке...

В заключение Вестховер изложил свою версию убийства Йовена.

– ...этот сумасшедший снова начал меня провоцировать. К сожалению, мой человек оставил пистолет в кармане, откуда я смог выхватить оружие, когда у меня вскипела в жилах кровь. Даже держа пистолет в руке, я не намеревался застрелить этого психа, но он устоял на меня в упор. Я вздрогнул от негодования – как он вообще смеет смотреть мне в глаза! – палец самопроизвольно дернулся и надавил на спусковой крючок. И вот злодей мертв. Я пришел в ужас – мне до сих пор не по себе. Конечно, в этом нет моей вины, ведь он был записным хамом и необузданным босяком. Кто поручится, что он не впился бы в меня зубами? Он же взбесился. Это все речная вода, которая отравляет кровь в прибрежных районах, кишаших подобными вырожденцами! Но в глубине души меня до сих пор терзает сожаление. – Министр нахмурился и жестом показал недоверчивое изумление, поведя пальцами куда-то вбок. – Видимо, на миг я заразился его безумием.

Ночная мгла за окном начала редеть, когда генерал вновь сверился с запиской, в которую поглядывал всю ночь, – она была написана, как заметил Роберт, очень жирно и красными чернилами, – и объявил, что на сегодня пора заканчивать. Лейтенант собрал и выровнял исписанные листы и оставил их на столе. Когда Ван Гур повел его к выходу, генерал и министр налили себе по последней.

В холле человек в ливрее, свернувшись, спал на скамье.

Δ

Выйдя из здания суда, Роберт и сержант остановились у каменного тигра. Было по-летнему тепло, и многие солдатские палатки, разбитые на травянистых участках между полосками брусчатки, стояли с открытыми клапанами. Из одной долетело сонное бормотанье:

– Ну Маргарет, не упряжься...

Роберт не сразу смог вытянуть сигарету из портсигара, настолько он был ошеломлен услышанным. «Ведет себя как ни в чем не бывало! Вестховер продолжает делать вид, что это не его вина, раз он убил того посудника». Министра финансов оправдали на том основании, будто он действовал в порядке самообороны, но правда жила в упорных слухах и всплывала в анонимных памфлетах и граффити. Убийство Йовена послужило триггером, подстегнувшим тайные антиправительственные митинги среди студентов, докеров и представителей других

профсоюзов. Если богатого человека можно безнаказанно убить посреди улицы в присутствии целой толпы свидетелей, на какое же правосудие надеяться остальным?

Ван Гур нагнулся, чиркнул спичкой о брусчатку и поднес к сигарете Роберта.

– Да, это гнусно, сэр.

– Благодарю вас... Я и понятия не имел, что он под стражей. Я думал, он сбежал.

– Если просочится слушок, парни его вздернут. Вот почему требовалось все сделать конфиденциально.

– Разумеется, я никому не скажу.

– А заманчиво бы подвесить его повыше, сушиться на солнышке! Но не сейчас. Конечный тип. Я участвовал в обыске в его особняке. Своеобразные пристрастия... И ведь даже не скрывал. Говорить неохота. – Сержант с сожалением покачал головой.

Роберту стало любопытно, но спросить, не показавшись похотливым, он не мог.

– В любом случае, – продолжал Ван Гур, – надо сперва выяснить, куда сгребли самое дерьмо. Прижмем его малость.

– Он не выглядит сколько-нибудь напуганным. Вы слышали, как он рассказывал об убийстве?

Как всегда, когда речь заходила о покойном владельце фарфоровой фабрики, Роберт вспоминал сервиз в своем фамильном имении, где тарелки украшало изображение жеребца на лугу. Роберт убеждал себя, что у родителей сервиз в одну краску, а не в три цвета, как у теще-славного министра. Его родители не отличались жадностью, но они жили как в шорах. Отец много лет носил одни и те же сапоги и платил жене одного из батраков за ремонт. Когда лорд Барнс в своих дорожных сапогах и тяжелом пальто останавливался у кромки поля, приветствуя своих работников, его отличало лишь безмолвие. Вместо «здравствуйте» он сдержанно кивал батракам и откашливался в знак приветствия. «Гм-гм», – доставалось каждому проходившему мимо вместе с наклоном головы. Отец Роберта был хороший человек, просто он родился помещиком и ничего иного не умел.

Роберт снова дал себе слово написать родителям – дело, которое он откладывал уже несколько месяцев, – и изложить в письме свои взгляды и как все вот-вот изменится к лучшему.

– Не, он как на иголках, просто держит лицо, – отозвался Ван Гур, тоже прикурив сигарету. Сунув ее в один угол рта, он выпустил сизый дым из другого. – Кроссли с ним любезничает, чтобы разговорить. Сразу видно, он надеется выйти сухим из воды. Вот увидите, все его благодушие сразу пропадет, когда его потащат на виселицу. Готов спорить, в люк он пролетит с визгом.

– Я с нетерпением жду, когда его признание будет публично зачитано в суде, – сказал Роберт.

– О да. Тогда мы все повеселимся.

Роберт почувствовал, что недооценивал сержанта. А ведь переворот организовывался как раз для того, чтобы дать пробиться наверх таким людям, как Ван Гур, неотесанным, но неглупым, в каком-то смысле его собратьям. Роберту захотелось как-то это выразить, и он не придумал ничего лучше, чем сказать:

– Вы не стесняйтесь обращаться, я всегда рад помочь. Даже с личной корреспонденцией, если у вас возникнет необходимость. Вы мне либо продиктуете, либо обрисуете в общих чертах, что вы хотите сказать, а остальное я беру на себя.

Сержант кашлянул.

– Как мило с вашей стороны, лейтенант.

Ван Гур покачивался на каблуках сапог, потирая большим пальцем изумруд в своей запонке. Так делать не годится – для этого берут мягкую ткань, но Роберт не стал указывать на это сержанту, сочтя подобное замечание неэтичным. Он предположил, что запонки достались Ван Гуру от отца, а может, и от деда – драгоценное наследство, и весь род Ван Гуров, один без-

образный коротышка за другим, терли изумруд большим пальцем, создавая историю жирных пятен. В этом Роберту чудилось своеобразное достоинство – мощное давление грубых пальцев простых людей на маленький камушек. Несмотря на то что он ничего не сказал, Роберт вдруг почувствовал себя так, словно ему следует извиниться.

Образ отца у кромки поля, кивавшего батракам и издававшего конфузливое покашливание, пришел ему на память. Торопясь прогнать эту ассоциацию, Роберт сказал:

– Если вам понадобится починить сапоги, я уверен, что Дора – девушка, которую я вам представил и которой вы помогли, наша соратница, – о вас позаботится. Я уверен, она будет только рада.

– Починить мои сапоги? – Ван Гур, помедлив, кивнул, улыбнулся и затушил окурок о бедро тигра. – А-а... Очень любезно с вашей стороны, сэр.

В следующее мгновение лейтенант смутно почуял некое недопонимание. Неужели Ван Гур решил, что он, Роберт, предлагает ему Дору? Мысль была омерзительной, но Роберт не знал, как проверить свою догадку, не оскорбив сержанта.

По брусчатке зацокали копыта, и на площадь въехали двое солдат.

Ван Гур резко свистнул и зашагал им навстречу. Роберт двинулся за ним, пробираясь между спящими. Споткнувшись о кого-то, он не удержался на ногах. Пока лейтенант извинялся перед полупьяным, не до конца проснувшимся солдатом, поперек которого упал, сержант Ван Гур уже оглушительно орал дежурному будить генерала.

Солдаты привезли новость о том, что недобитые королевские войска, бежавшие в гористые районы к северу от города, перекрыли Великий Тракт и подожгли почтовый дилижанс. Сил у них имелось не так много, но сопротивление обещало быть ожесточенным.

– Хватит еще боев на нашу долю? – спросил Роберт у сержанта.

– А как же, еще как хватит, сэр, – отозвался Ван Гур.

Он побежал трусцой, не дожидаясь ответа Роберта, который ради духа товарищества решился наступить на горло своей совести.

Δ

Только к полудню Ван Гур вспомнил о кучере во фраке. Да и то сказать, за все утро не присел, разнося сообщения. Отряд кавалерии и несколько пушек были откомандированы задать жару позициям противника. Простая математика показывала, что Кроссли легко одолеет жидкий арьергард свергнутого правительства, если дойдет до вооруженного противостояния, однако, если дать врагу закрепиться, схватка может оказаться кровопролитной. Генерал уже получил сообщение противной стороны; планировались переговоры о капитуляции.

Сержант мечтал только об одном – выпить и завалиться на свою походную кровать, когда вспомнил о чертовом кучере. Тот таскал чемоданы в вестховерскую карету, когда министра финансов арестовали, вот солдаты и привели его для допроса, хотя все понимали, что он никто и звать его никак. Ван Гур надеялся, что кучер проявил смекалку и дал дёру.

Но не тут-то было.

Ван Гур нашел его уже проснувшимся все на той же скамье у кабинета главного судьи.

– Я рассказал о Вестхове все что знаю, то есть ничего. Я на него работал. Мне здесь теперь целый год сидеть? – сварливо спросил кучер.

– Ты будешь сидеть там, где я тебя посажу, – отрубил сержант.

Кучер шмыгнул носом. Он поднял руку и поправил свой дурацкий шарф, который свешивался с его дурацкого цилиндра, но благо разумно промолчал.

Ван Гур зашел в пафосный богатый кабинет и сел за стол писать донесение. Затем он перечитал написанное, шевеля губами, вывел адрес на обратной стороне, сложил листок и запе-

чал бордовой печатью судьи. Он отлично умел писать, что бы ни возмнил себе этот чертов «лейтенант».

Сержант Ван Гур даже всхрипнул от смеха. До вчерашнего вечера он думал, что нет на свете человека, который вызовет у него больше отвращения, чем министр финансов, который раскололся до пупа, лишь бы сохранить себе жизнь, и держался так, будто он по-прежнему у власти, словно никто не знал, какой он двинутый разложенец, у которого в спальне все шкафы набиты костями животных.

(Когда их отправили в особняк министра искать документы, учетные книги – все, где могли оказаться записи о преступлениях Короны, Ван Гур лично выдернул первый ящик бюро – и невольно отскочил: костей оказалось так много, что штук двадцать выпали и разлетелись по полу. Все, кто случился рядом, засмеялись.

– Да пошли вы, – огрызнулся сержант. – Поглядим, как вы сами наткнетесь на ящик с объедками вампира!

Все пять ящиков бюро оказались набиты костями, и Ван Гуру не давало покоя не столько их количество, сколько то, что кости выглядели идеально чистыми, совсем белыми. Как министр вообще находил время грабить страну? Он каждую свободную минуту должен был посвящать вывариванию бедных тварей. Ван Гур не сомневался, что причиной тому стали извращенные сексуальные привычки Вестховера.)

Вернувшись в холл, сержант обратился к кучеру:

– А вот теперь я хочу, чтобы ты мне кое-что сказал.

– Валяйте, – отозвался кучер. – Мне все равно больше делать нечего.

– Я похож на человека, который ни бельмеса не смыслит в книжках? – спросил Ван Гур.

– В каком смысле?

– В прямом. Меня можно принять за неграмотного?

Едва заметный прищур щедро приправил сомнением и без того циничную физиономию кучера.

– Да нет, необязательно...

А что ж тогда «лейтенант» Барнс, этот школяр, чье истинное звание по жизни чуть ниже уличного дерьма, – один день провел в действующей армии и позволяет себе мнения насчет Ван Гура! – предположил, что тот не умеет читать, хотя без грамоты сержантом не сделаться, этого требует устав!.. Барнс с его высокомерием вызывал у Ван Гура меньше отвращения, чем Вестховер с его костями, но тоже задел сержанта за живое. Ван Гур привел Барнса записывать трепотню Вестховера только потому, что бывшему министру комфортнее болтать в присутствии человека, похожего на секретаря, а еще потому, что после идиотской затеи с каким-то психическим сообществом сержанту показалось, что они со школяром поладили. А это ничтожество смотрит на него свысока, и это после того, как Ван Гур оказал ему услугу, подписав бумагу для его шлюхи и отдав в ее распоряжение целый особняк!.. Такая грубость уязвила Ван Гура в самое сердце, и не в последнюю очередь своей небрежностью: он не такой человек, чтобы позволить на себя плевать! А потом лейтенантишка еще набрался смелости предложить свою шлюху в качестве компенсации, будто Ван Гуру нужно его разрешение!

– Хотя я бы не удивился, – запоздало добавил кучер, прервав мысли сержанта. – Не обижайтесь, но вы не похожи на книжного червя, – хохотнул он. – Хотя куда уж мне разбираться. Я живу в коридоре.

Резким движением сержант протянул ему запечатанное послание.

Вместо того чтобы сразу же принять конверт, кучер задержал взгляд на изумрудной запонке Ван Гура.

– Красивая вещица. Дорого платили?

Запонки достались сержанту даром, и кучер это прекрасно понимал. Платить пришлось другому – тому, кто недостаточно проворно уступил изумруды. У Ван Гура от природы был низкий порог терпения дерзости.

Но он устал. Бросив конверт на колени кучеру, он приказал:

– Отнесешь по этому адресу. Тут коротко про твою ситуацию. Там запишут твои данные на случай, если нам понадобится еще с тобой потолковать, возьмут с тебя присягу на верность и отправят восвояси.

Кучер ухмыльнулся:

– И все, что ли? Вы меня битые сутки ради этого продержали?

Ван Гур устал, но не настолько, чтобы спустить такое. Он еле сдерживал бешенство. Если придется проучить этого типа, свидетелей все равно нет.

– Ты мне грубишь, что ли? – спросил он.

Ухмылка кучера исчезла.

– Всего нет.

– Мне грубить не надо. – Ван Гур побарабанил пальцами по рукоятке своего пистолета.

Взгляд собеседника на секунду зафиксировался на шевелящихся пальцах сержанта и быстро обвел пустой холл.

– Я не грубил.

Сержант по-прежнему стоял над ним.

– Потому что я этого не потерплю. А я могу быть грубее тебя, поверь.

– Я того, – решился кучер, – я тогда, пожалуй...

– Да уж, пожалуй. Вонючий грубиян. – Ван Гур щелкнул по высокой тулье кучерского цилиндра – он отозвался глухим щелчком – и не пошевелился. Чтобы встать, кучеру пришлось скользнуть задницей по скамье вбок, подальше от Ван Гура. Поднявшись, он попятился к выходу, помахивая запечатанным листком.

– Я сразу туда сейчас, – заверил он. – Я этот адрес знаю. Я туда министра возил. Угол Малого Наследия. Это же посольство, да?

– Ага, – отозвался Ван Гур. – Было посольство.

Два очка горняшке в чепчике

Из гардероба в комнатах, принадлежавших прежде сынку министра королевского правительства, Ди реквизировала две большие сумки. Если большинство студентов на волне всеобщего воодушевления записались в волонтеры, то министерский сынок остался верным своему классу и дал тягу из кампуса.

Уложив в сумки свое скромное имущество, она прибавила постельное белье сбежавшего сынка, кое-что из его одежды и разные мелочи, которые, по здравом размышлении, могли оказаться бесполезными. Она искала денег в обычных местах, но безуспешно. В ящике тумбочки лежала опасная бритва и, к брезгливому неудовольствию и недоумению Ди, человеческий зуб. Бритву Ди взяла, зуб оставила.

Заперев за собой комнаты, она вернулась в общежитие для прислуги. В кухне она взяла кое-какой бакалеи, а в кладовке – щетки, мыло и мастику для пола. Все это тоже отправилось в ее новые сумки.

Одна из горничных, Бетани, вошла в кухню и тихо ахнула, увидев, как Ди распоряжается в кладовой.

– Дора, это же не твои сумки!

– Теперь мои, – отозвалась Ди. – Я нашла новое место и сюда не вернусь.

Бетани была нескладной долговязой девушкой с длинным подбородком, костлявыми локтями и большими ступнями. Она выглядела и держалась так, словно ее с силой трянули, так что кости сыпались внутрь, и сложили заново. Как большинство девушек из университетской обслуги – да и сама Ди, – Бетани была сиротой и выпускницей Ювенильного пансиона. Ди считала, что перетрясли ее именно там.

– Чего еще за новое место? Какое такое новое место?

– Просто место, и все. Ты тоже давай о себе подумай. Университет закрылся и непонятно когда откроется, какой смысл здесь оставаться?

– Но в городе опасно! По улице утром проходила кавалерия, еще до рассвета, – сказала Бетани.

– Значит, патрулировали город. Кому-то надо поддерживать порядок, пока все не уляжется. Мой друг из волонтерского корпуса говорит, что они планируют сформировать новое, более честное правительство. Ты же читала памфлеты!

– Ах, твой дружок? Твой мистер Барнс?

Брак Бетани был одним из жалких предметов ее гордости. Ее муж, Гид, немолодой человек, зарабатывал на полунищенское существование, присматривая за терьерами господина ректора. Бет однажды угораздило обмолвиться, что, обучая щенков, Гид порой даже спит в питомнике. Отвратительные издевки прочей прислуги не замедлили принять вполне предсказуемое направление, но Ди предупредила главную заводилу, что травлю надо прекращать.

(«А с чего бы нам над Бет не позабавиться?» – возмутилась девица. «Вот отделаю тебя совком для угля, тогда поймешь», – ответила Ди, и издевки сразу сошли на нет.)

Ди была разочарована, но не удивлена неблагодарностью Бетани: когда тебя трясут изо всех сил, внутри отбиваются и отлетают куски. Остаток жизни из тебя торчат режущие кромки да острые углы.

– Верно, – сказала она, в упор глядя Бет в глаза. – Мой друг.

Бетани нахмурилась и опустила взгляд на плитки пола, который каждая из них мыла, стоя на коленях, бесчисленное множество раз.

– Пара этих, с зелеными повязками, приходили к Гиду спрашивать о ректоре, но ведь ректор смотал удочки вместе с остальными. Гид твердит мне не волноваться, но я боюсь.

– Так уходите вместе. Найдите себе новую работу, смените имена...

– Гид никогда не бросит своих щенков, – возразила Бет.

Она стояла, выпятив нижнюю губу, всем видом желая, чтобы подруга с ней заспорила, но Ди нечего было добавить. Ей пора было идти. Она подошла к Бет, поцеловала ее в щеку и попрощалась. Уходя, она слышала, как всхлипывает сзади Бетани, но не оглянулась.

Δ

Несколько мужчин и женщин гнали стадо черномордых овец по Университетской авеню. У ягнят на боках были намалеваны красные знаки имений, которым они принадлежали. Ни один из овечьих пастухов не носил зеленых нарукавных повязок: это были простые работяги, а не студенты или солдаты. Один точно был дворником, потому что погонял овец длинной метлой. Овцы испуганно блеяли и оставляли за собой на мостовой множество «орешков».

– Приходи на ужин, красавица! Тут на всех хватит! – окликнул Ди пастух.

Ди даже не посмотрела на него.

На трамвайной остановке собралась целая толпа ожидающих. Уличный певец с подвижным лицом пел под гитару ироническую песенку о Йовене, фабриканте, которого убил на улице министр свергнутого правительства:

– «Он был гордым, и лысым, и мертвым, Он был грубым, приземистым, мертвым. У него и друзей-то не было, – заявил Вести. – Правильно я его пристрелил». Но последнее слово осталось за безумцем. О да, последнее слово осталось за безумцем!

Обмирая от стыда и удовольствия, люди стояли с пунцовыми щеками, прикрывая ладонями рты. Они еще не привыкли к тому, чтобы такое распевали при всем народе.

В последней строфе говорилось, как горожане свергли правительство, а Йовен вознесся на небеса, но отказался есть амброзию с халтурно сделанных ангельских тарелок. В шляпу уличного певца полетели монетки, и он спел еще две песни, прежде чем наконец появился трамвай.

Однако вагоны были переполнены до отказа – головы торчали даже из открытых окон. Трамвай прошел мимо, не останавливаясь.

– Простите! Некому работать! Только экспресс! – прокричал вагоновожатый.

Чувство приятного единения, вызванное прозвучавшей песней, сразу испарилось. Остановка проводила трамвай отборными ругательствами, и некоторые из стиснутых в вагонах пассажиров не замедлили сочно ответить на прощанье.

Ди с усилием подняла тяжелые сумки и зашагала вдоль реки. Музей находился на восточном берегу реки Фейр, университет – на западном.

Она начала переходить Северный мост – по-простому Северюгу, один из двух консольных городских мостов, препоясывавших Фейр.

На том берегу мост соединялся с Великим Трактом, широким крюком огибавшим верхние городские округа. Там, среди холмов, стояли особняки самых богатых министров, промышленников и помещиков.

Слева от Ди, где Фейр круто сворачивала к ближним провинциям, длинное здание мирового суда заканчивалось у самой воды: крыша щетинилась каминными трубами, флагштоками и громоотводами.

Справа от Ди река катила свои воды на юг, к заливу. В двух милях отсюда ее пересекал Южный мост (в народе Южнила), ниже которого оба берега становились совсем пологими и шли почти вровень с водой. Там находились кварталы Лиса: издали темная масса тесно построенных домишек напоминала пятно плесени.

Легкий ветерок теребил завязки чепчика Ди и высушивал пот на ее шее. От тяжелых сумок ломило плечи. Ди поставила свою ношу и остановилась отдохнуть. Воздух был непривычно чист. На северо-востоке, дальше точки, где Великий Тракт пропадал среди холмов, в

туманной дымке угадывались смутные очертания горных вершин. На юге, ближе к заливу, зелень Фейр разбивалась о темно-синюю чешую океана. И по всей этой разграфленной панораме взблескивали пятнышки серебра – это свет отражался от паутинно-тонких трамвайных проводов.

Ди не сразу поняла причину такой исключительной прозрачности воздуха. Из десятка заводов, выстроенных по берегам Фейр, ни один не работал. Фабричные трубы не дымили.

На мосту было почти безлюдно. Во всполошенных взглядах случайных прохожих читалась та же неуверенность, с которой они встречали вчерашнее утро, только сегодня рядом не было Роберта, который сказал бы им – все будет хорошо. Ди вспомнила слова Бет о предрасветном проходе кавалерии, вспомнила об отаре, которую гнали из города, вспомнила переполненный трамвай. Необходимо держать ухо востро на тот ничтожный шанс, что Роберт ошибся и ситуация начнет ухудшаться.

– Выбью за вас пыль, – сунулся к ней вихляющийся сумасшедший. Его черное пальто было выношено так, что швы побелели, а в руке он держал деревянную палку, служившую прежде ручкой метлы или лопаты. – Портьеры, ковры, что угодно. Выбиваю пыль за любую плату. Делаю что угодно за любую плату.

Ди много раз видела этого сумасшедшего и нередко гадала, поймал ли кто-нибудь его на слове. Сегодня утром он казался необычайно взбудораженным – глаза красные, грудь вздымается часто и сильно, палка стучит по брусчатке моста. Ди его не боялась, но вела себя с ним осторожно: проявить легкомыслие было верным способом стать такой же.

Она подхватила сумки и быстро зашагала вперед, обходя безумного и избегая глядеть ему в глаза.

– Я знаю, что у вас есть пыль! – заорал он ей вслед. – Я выбью пыль за любую плату, мисс!

Δ

На середине Северюги шустрый уличный подросток играл в «мало-помалу». Долговязый – почти шести футов ростом, но на гладких щеках не заметно даже пушка. Ди решила, что ему лет пятнадцать-семнадцать. На балюстраде у его локтя высилась пирамидка камушков. Кепка была ему велика, и юнец залихватски сдвинул ее на затылок, где она чудом держалась. Жидкие огненно-рыжие волосы закрывали уши, а несколько вьющихся прядей доходили до подбородка.

Помощь шустрого пацана могла пригодиться. Малолетние воришки были в курсе всего и вся.

Поравнявшись с ним, Ди поставила сумки и непринужденно взяла один из камушков.

– Бери, не стесняйся, – иронически сказал рыжий. – Я для того и собирал подходящие биты и пёрся на середину моста, чтобы кто попало мог их цапать.

Играть в «мало-помалу» просто: бросаешь камни в воду, метя в проплывающий речной мусор, и зарабатываешь очки. Самое сложное – вести счет. Горячие поклонники этой игры, в основном уличные дети и опустившиеся игроманы, отдававшие предпочтение «мало-помалу» перед более утонченными состязаниями вроде игры в кости или собачьих боев, славившиеся ожесточенными спорами, сколько очков принесло то или иное попадание; но в целом чем необычнее бросок, тем больше очков. Каждому игроку полагалось определенное число попыток – чаще три или пять. Если один из камушков попадал, допустим, в кусок плавника, это приносило всего-навсего очко, тогда как если удавалось задеть плывущий башмак, это тянуло на все три, а то и четыре очка. Если посчастливилось попасть в несомую рекой пададь, это приносило целых девять очков, а уж если в утопленника – это бесспорный выигрыш.

– Какой у тебя счет? – спросила Ди.

– Мой счет такой: не поверишь, но у этого моста есть целая другая сторона – вон, напротив, а это мои биты, я их сюда принес.

– Сейчас с той стороны густая тень, я не разгляжу, куда целиться.

Это принесло ей одобрителный взгляд: надо же, горняшка что-то смыслит в игре.

– Тебе, может, нужно чего? Я, глядишь, смог бы помочь. Новое платье? Красивое ожерелье? Барахло сейчас можно очень дешево взять. Только бумажные деньги не годятся, монеты нужны. Или честный обмен, одно на одно.

– Очень любезно с твоей стороны. А почему вдруг *барахло* так подешевело?

Ди знала почему, но ей хотелось послушать, как рыжий уйдет от прямого ответа, если перед ней действительно уличный шустрила.

Постукивая одной из своих биточек по балюстраде, подросток покачал головой:

– Я в этом не кумекаю – в городе говорили, а я слышал. Но чувствует мое сердце, что лавочка скоро прикроется.

Неглупый малый, раз не дал сбить себя с толку. Дора представилась и спросила имя собеседника. Рыжий велел называть его Айком. Они договорились сыграть по три камушка.

Из-под моста показалось тележное колесо. Облепленное зеленой слизью, оно блестело на солнце. Дора и Айк использовали по одной попытке и оба промазали, хотя камушек Ди врезался в воду ближе. Вскоре они дождались сломанного весла, но предпочли пропустить ход. Через минуту течением принесло большой кусок мешковины, и Ди попала в середину с громким всплеском.

Парнишка заплодировал.

– Два очка горняшке в чепчике! Отличная работа! – Удовольствие на его мягком, освещенном солнцем лице было искренним, словно он впервые в жизни попробовал сахара.

– Два очка? Точно? Я бы сказала – одно.

– Не, – возразил Айк, – чистое попадание. Это ценится.

– Повезло, – пожала плечами Ди.

– Угу, мисс Дора, так все мазурики говорят. – Рыжий указал подбородком на сумки: – Натырила?

– Это мои вещи, – ответила Ди. – Поднеси их для меня, пожалуйста. Мне нужно на Малое Наследие, рядом с Лигейт.

– Идет. – Рыжий оторвал увесистые сумки от брусчатки. – Значит, ты потайная чемпионка, притворяющаяся горничной. Прикольно. Часто играешь?

– Нет. Раз в пятнадцать лет.

– Угу. Спорим, ты ни разу не видела, как колокол звякает!

Колоколом в игре назывался верный выигрыш – утопленник.

– Видела, – сказала Ди. – Однажды даже сама позвонила.

Айк округлил глаза:

– Угу. Позвонила она.

Они сошли на другой берег и зашагали к зданию суда. Ди спросила Айку, что слышно в городе.

– Уж кто-кто, а ты точно в курсе дел.

– Я знаю, что нельзя расслабляться, не то попадешься. Ну и что, если всех констеблей поувольняли? Это как с «налетай, подешевело»: ненадолго. Зеленые повязки еще ладно, но вот люди Кроссли... Хотя они и вспомогательный корпус, но все же настоящие солдаты, и если прицепятся к человеку, то что констебли, что эти – без разницы. Мне-то фиолетово, кого расставили на улицах, потому что я профессионал. А дешевые дилетанты видят, где что плохо лежит, и начинают хватать что под руку попало. Ты Айку слушай, Айк плохого не посоветует: всегда будь начеку, особенно если покажется, будто не с чего осторожничать.

– Теперь я буду слушать только Айку.

– Ты реально однажды в колокол позвонила, мисс Дора?

– Реально.

– А теперь по чесноку!

Чтобы показать, что она не позволит сомневаться в своих словах, Ди приподняла носик и не ответила. Рыжий засмеялся и заявил, что он так и думал.

На фонарном столбе у подножия моста был приклеен плакат:

«Вниманию общественности: чрезвычайный комитет по правосудию официально вступил в полномочия. Мелкие хищения, попытки нападения и иные преступления будут СУРОВО караться».

Айк приподнял одну из сумок, чтобы потыкать пальцем в слова «чрезвычайный комитет по правосудию»:

– Это зеленые повязки. Шантрапа, пешки.

И они пошли по Восточной набережной.

Δ

По дороге Айк показал Ди сгоревший дотла склад военного снаряжения – прежнее правительство подожгло при отступлении.

А вот на этом перекрестке он видел клячу, околевшую прямо на трамвайных путях. Собралась толпа, и пока люди решали, как поступить, между человеческих ног прошмыгнул серый кот и вспрыгнул на бок мертвой лошади, усевшись с таким видом, будто собрался произнести речь. Айк видел это собственными глазами. Никто кота трогать не стал. Официального запрещения на это не имелось, но каждый знал, что дурная примета гнать живого кота с мертвой лошади. В Лисе, как Ди небось слышала, многие жители, особенно старики, задабривают кошек подношениями и просят у них исполнения желаний, а то и верят, что коты способны творить чудеса. Айк не придерживался определенной религии, но все их уважал. К счастью, кот в конце концов ушел сам минут через пятнадцать-двадцать.

– Вот ты бы согнала кота, мисс Дора?

– Нет, – ответила Ди.

– Ну и правильно.

Дальше по улице был офис адвоката, который курил мак. В хороший день этот тип вас от чего хотите в суде отболтал бы, а в плохой из него слова не вытянуть. Айк сам не проверял – может, и врут люди, но за что купил, за то и продавал.

– А среди твоих знакомых есть любители опиума, мисс Дора?

– Нет.

Айк посетовал, что не может сказать того же самого.

Спящие на причале люди оказались портовыми рабочими. После переворота по Фейр проходило совсем мало судов, но портовые грузчики свою территорию держали. Заводские, кемаря или дробя от нечего делать щебень, тоже ждали на фабричных дворах, не откроются ли ворота. Некоторые радовались свободному часику, но зарабатывать-то все равно было нужно, иначе что в рот положишь? Прямо злость брала.

– Я уверена, временное правительство скоро снова запустит фабрики и заводы.

– Как скажешь, мисс Дора.

Причин жалеть уволенных констеблей у Айка, однако, не было.

– Эти пусть хоть под трамвай ложатся, как тадохлая кляча.

Прожженные воры, все до единого, заклеил он бюстителей закона: крышуют профессионалов и игорные дома по бешеным расценкам.

– Но знаешь что? – сказал рыжий, когда они поравнялись с торговкой вразнос, продававшей с лотка пакеты соленых устриц.

– Да, что такое, Айк?

Ди пришелся по душе этот парнишка. Ее забавляло нескрываемое желание Айка выложить все, что ему известно, и было немного жаль своего рыжего носильщика: он накопил достаточно житейского опыта, чтобы прожить своим умом, но в нем не было уличной жестокости, а ум без жестокости – все равно что кошка без когтей.

– Толковых соленых устриц выше Южнилы не купишь. Чем дальше на север, тем поганее качество. Если уж захочешь соленых устриц, мисс Дора, понапрасну не траться, ступай ниже Южнилы и выбирай там. Аик плохого не посоветует.

– Ах ты, срамник! – выругалась лоточница.

– Значит, правда, – кивнул Аик, будто торговка подтвердила его слова. Они с Ди двинулись дальше, но Аик крепко оседлал кулинарного конька: – А несоленых устриц даже в рот не тащи – верный способ подцепить холеру. Но это ты, наверное, знаешь.

– Да, – отозвалась Ди, – это я знаю.

Аик умел выбрать самую короткую дорогу из точки А в точку Б и поддерживал широкую сеть знакомств и связей – от лисских старьевщиков до профессионалок с Южнилы, от конюхов, работавших в платных конюшнях возле мирового суда и казначейства под купольным сводом, до сапожников, портных и модисток с Силк-террас и Сейбл-стрит, от торговцев опиумом, сидевших на табуретах у щелей для писем в домах на Брейси-сквер в ожидании пароля с последней страницы ежедневной газеты, до работниц консервных заводов на Танни, от докеров Северо-восточной и Юго-западной эстакад до девчонок из Ювенильного пансиона, старавшихся всучить трубочки с корицей в Королевских Полях гуляющим ухажерам, от игроков и букмекеров, осаждавших ипподром в Олд Брикс, до дворников, бдивших тротуар перед магазинами на улицах Турмалин и Перидот, от спекулянтов, предлагавших миниатюрные бутылочки спиртного у театров перед спектаклем и раздававших скидочные купоны в салуны после представления, до золотарей, которые выгребали нечистоты за важными людьми, живущими в особняках в Хиллс, и вывозили это пахучее добро. Словом, у Айка везде были знакомые, и всюду он пользовался уважением.

– Мой бизнес – знать все ходы и выходы, – заявил он. – Поверь мне, мисс Дора.

– Я верю, Аик, – отозвалась Ди, и подросток бросил на нее быстрый взгляд – дабы убедиться, что она не улыбается исподтишка. И когда он увидел, что Ди серьезна, то сам расплылся в улыбке, не подозревая, что откровенное облегчение на его лице читается как в открытой книге.

Ди улыбнулась в ответ.

Но революция все сбивала с привычного курса, сокрушался Аик, когда они свернули с набережной на Лигейт-авеню, вступив в центр восточной части города. Лошадиные скачки, букмекеры и дома с профессиональными леди прикрыли незадолго до переворота, и непонятно, когда они снова откроются и откроются ли вообще. Мелкоту, придававшую будням пикантности, замели и приняли вместе с по-настоящему плохими людьми – политиками, банкирами и констеблями. Это вызывало у Айка озабоченность.

При встрече с новым человеком Ди всегда фантазировала, как он живет, чисто ли у него дома и сколько грязи он оставляет таким, как она, после своего внезапного бегства. Многое можно сказать о человеке, за которым убираешь. Роберт, например, в своих комнатах поддерживал порядок, но, переступив порог, начисто забывал об аккуратности и походя бросал окурки и мусор себе под ноги. Сразу было видно, что он из богатой семьи.

А для Айка Ди представила угол чердака или подвала какого-нибудь бордингауза, где пол устелен сеном, а от стены до стены натянута веревка с постиранным бельем – сменной рубашкой и подштанниками. На первый взгляд его жилище могло показаться грязным, но сено на полу лежало свежее и хитроумно скрывало неприбитую половицу, под которой рыжий хранил свои сбережения и особые сокровища. Это была приличная комната, полная надежды.

– Сама посуды, разве можно жить без досуга? – не унимался Аик, рассказывая о своих безработных друзьях.

– В самом деле, – согласилась Ди. – У тебя есть родные, Аик?

– Где-то есть. Я с ними познакомлюсь, когда сколочу капиталец и молва об этом разойдется по городу. Тут же явятся с визитами.

– По-моему, ты какое-то время жил в Ювенильных пансионатах. Долго?

– Пока уже выносить не смог, вот сколько.

– А сейчас где ты живешь?

– В «Метрополе», разве не видно? В пентхаусе. Раньше жил в «Короле Мейконе», но меня достал их кот с его капризами и...

– Эй, вы! Стоять! – Волонтер, поставленный на углу, махнул им рукой.

Впереди, совсем близко, маячил поворот в переулок. Ди схватила Айку за запястье, прежде чем подросток метнулся туда.

– Ты и так от него убежишь, если придется.

Аик зашипел.

– Сам же говорил, что зеленые повязки – шантрапа, – напомнила Ди, пока волонтер шел к ним.

Немолодой, с седыми висками, он был одет в мешковатый шерстяной костюм. Блестящие бежевые латки на локтях и коленях были явно вырезаны из тяжелой портьерной ткани. Он, безусловно, не принадлежал к студенческому крылу волонтеров. Ди показалось, что перед ней какой-нибудь радикал – профессор или журналист. Походка у него была переваливающаяся, торопливая – можно сказать, созданная для того, чтобы пробиваться сквозь толпу в баре, подталкивая попадающиеся на пути локти и заставляя расплескивать кружки. Ди представила себе запущенные комнаты, где повсюду лежат раскрытые чужие книги корешками вверх, а стол уставлен пустыми винными бутылками. За поясом у волонтера был длиннотольный пистолет.

– Это не твои сумки, оборванец, – начал он, наставив палец на Айку. На шее у него болтался свисток на бечевке. – Ты разве не знаешь, что воровство явилось причиной, по которой мы свергли старое правительство и обрели свободу? Больше никто воровать не будет. А ну, бросай сумки там, где стоишь!

Аик поставил сумки на тротуар. Когда он нагнулся, штанины внизу приподнялись, и Ди заметила костяную рукоятку, торчащую из-за края носка. Пожалуй, она недооценила своего рыжего помощника. Аик выпрямился, и рукоятка скрылась под брючиной.

Ди достала постановление из кармана фартука.

– Это мои сумки, сэр.

Волонтер выхватил у нее бумагу. Лицо у него пошло морщинами, пока он читал. Сложив листок, он подал его Ди.

– Я слышал о Ван Гуре, но здесь не написано, что у тебя есть право набивать сумки.

– Как же мне поддерживать порядок в здании без соответствующих средств?

Не ответив, волонтер снова повернулся к Айке:

– И о тебе тут ничего не сказано.

– Потому что я тут ни при чем. Она мне сказала, чтобы я помог, иначе она на меня заявит, и тогда мне не исполнить мечту всей жизни, и не вступить в чрезвычайный комитет по правосудию, и не видать зеленой повязки, как у вас, сэр. – Аик снял шляпу и, держа ее обеими руками, таранился на волонтера, часто моргая.

Волонтер всматривался в его лицо, соображая, можно ли верить рыжему шустриле, и не выпуская из пальцев свистка. Айк начал ковырять ножкой мостовую.

Там, где в носке у него был нож, обозначился небольшой бугор.

– Почему бы нам не поступить вот как, – вмешалась Ди. – Как ваше имя, офицер?

– Рондо.

– Отлично. Вы задерживаете мои сумки, а я отправляю донесение сержанту Ван Гуру, что офицер Рондо конфисковал мои вещи. Он пришлет к вам солдата за сумками, чтобы отнести в музей, или явится за ними лично, а вас поблагодарит за внимание к мелочам. Время сержант Ван Гур найдет, уверяю вас.

Волонтер засопел.

– Еще чего... – Он махнул одними пальцами: – Проходите. Сержант, может, и найдет время для такой чепухи, а вот я занят.

Δ

Ликующий Айк внес сумки в музей и поставил у порога.

– А что я говорил? Эти зеленые повязки сами не знают, что делают! Сборище старых толстяков и прифрантившихся желторотых фантазеров! Ты его лицо видела? Впору в рамку вставить, чтобы всегда любоваться! – Невольное движение пуститься наутек явно было изъято из протокола, отчего Айк начал нравиться Ди еще больше.

Она расстегнула сумки и раскрыла их, предложив Айку взять что-нибудь себе. Он порылся в одежде и других вещах, потирая ткань брюк и рубашек двумя пальцами, чтобы оценить материал.

– Качественная, – похвалил он, – но уж ладно. Будешь мне должна.

Тогда Ди опустила руку в карман фартука и из-под сложенного постановления достала опасную бритву с рукояткой слоновой кости, которую реквизировала из тумбочки министерского сына. Она не спеша раскрыла бритву на ладони.

Айк приподнял бровь.

– Я предпочту, чтобы Айк был мне должен. – Ди подала ему бритву рукояткой вперед. – На, положишь во второй носок.

Айк принял подарок и одобрительно погладил жемчужную инкрустацию большим пальцем.

– У меня на третьем этаже собирательница устриц без ведра, – сказала Ди. – Можешь достать мне ведро, Айк?

События, которые привели к свержению королевского правительства Часть II

Беллоу, сын министра королевского правительства, подозвал Лайонела и предложил ему взять выходной и посетить Плавающий морг. Можно осмотреть труп Йовена, скверного посудника, покусившегося на убийство министра Вестховера.

После расследования, постановившего, что министр совершенно безвиновен, невостреманное тело стало собственностью города, и власти решили выставить его в Плавающем морге, где тела известных преступников и прочих ненормальных индивидуумов сохранялись во льду и химикалиях и были доступны для всеобщего обозрения. Расположение морга на реке, как считалось, способствовало гигиене и предотвращало распространение болезней. Йовен находился в морге уже больше месяца.

Лайонел заподозрил подвох. Мнения о Беллоу он держался самого низкого.

– С чего вдруг ты решил там побывать?

– Так развлечься же хочется! – Беллоу невесело засмеялся и протяжно зевнул. Разговор происходил в университетской гостиной. Министерский сынок сидел развалившись, перебросив ногу через подлокотник кресла. – С утра меня прям осенило: «А сходить посмотреть на прожженного преступника?» Светлая у меня голова на плечах, раз меня осеняют столь блестящие идеи-то? Я говорю себе: спрошу вот первого, кто войдет, не составит ли он мне компанию. И тут входит Дейкин с расстегнутой ширинкой. Тогда я говорю себе: следующего спрошу, кто войдет и кто не дурак, и входишь ты, Лайонел! У меня прям отлегло – ты же не дурак, вечно о чем-то думаешь. Я хочу съездить в морг с тем, у кого в голове мозги, а не дерьмо. Ну, что скажешь? Признайся, заманчиво же забросить книжки на денек и проветриться! Будет тебе образование на выезде.

Это было почти смешно, а чувство юмора у Лайонела имело свои пределы. Как он слышал, Беллоу учебников отродясь не открывал и образованием не интересовался – ни полевым, ни камеральным. Профильным предметом Беллоу можно было считать привычку зонтиком задирать горничным юбки, а непрофилирующим – вопрос, нет ли у кого настроения сходить пожрать.

Лайонел знал о своей репутации ботаника и носил ее без сожаления и даже с некоторой гордостью. Поэтому он как-то рассчитывал, что уж к нему-то Беллоу потянется в последнюю очередь.

Беллоу совершенно не был популярен в университете. Если прилежание Лайонела снискало некоторую симпатию, то привычка Беллоу хвастаться своими деньгами и успехами у проституток не принесла ему ни одного приятеля.

Однако Йовен Лайонела действительно интересовал, в этом Беллоу не ошибся.

Газетные отчеты, в которых всячески выпячивалась «самооборона» министра финансов, неизменно коробили Лайонела. За вычетом конкретных персоналий и специфических обстоятельств происшествия оставались трое мужчин с пистолетом против одного, вооруженного тарелкой.

Были и иные алогичности, с недавних пор не дававшие ему покоя: старый официант из университетской столовой, который, примостившись на ящике на заднем дворе, перебирал объедки, тщательно очищая куриные кости и откладывая остатки мяса на салфетку, чтобы забрать домой; студенты вроде Беллоу, не проявлявшие интереса к занятиям, однако числившиеся в университетских списках по единственной причине – их родственники занимали посты в правительстве; необъяснимость того факта, что национальная великая армия вела

войну за тысячу миль, по другую сторону океана, и при этом жизнь вокруг текла как обычно, ибо ни у Лайонела, ни у его знакомых не служили ни родственники, ни приятели. Можно было искренне забыть, что идет война, настоящая война под национальным флагом страны.

Лайонел сказал, что съездит с Беллоу в Плавучий морг.

– Класс! Вестховер с моим папашей дружбаны с самых тех пор, как они тут учились, – продолжал трепаться министерский сынок. – Как тебе идея: может, один из нас когда-нибудь тоже пристрелит психа и наши сыновья пойдут поглазеть на его труп! Во ржачно-то будет, Лайонел!

Δ

От университета они поехали на трамвае на западную окраину города, где был пришвартован Плавучий морг. Беллоу, захвативший с собой фляжку, с ходу прицепился к какой-то нищенке, настаивая, чтобы она с ним выпила.

Женщина сидела напротив. Каштановые, с сильной проседью волосы, оплывшие черты лица – почти старуха. Она утопала в заплатках и лохмотьях, а мятые бумажные цветы, пришпиленные к обвислой коричневой шляпе, подрагивали в такт тряске вагона.

– Да ты понюхай, а потом будешь отказываться! – уговаривал Беллоу, размахивая фляжкой с отвинченным колпачком под носом у нищенки. Сидевшему рядом с ним Лайонелу не требовалось подносить к носу флягу, чтобы уловить запах: этим пойлом разило даже от кожи Беллоу.

Женщина испуганно обнимала непокрытую корзину у себя на коленях, наполненную поцарапанными дверными ручками, ржавыми петлями и непонятными бронзовыми штучковинами, и отвечала ручейком слов на незнакомом языке. Лайонел предположил, что женщина набрала хлама в обвалившихся постройках или на мусорных кучах, и вспомнил официанта, руки которого покрывали старческие пятна; он обирал волоконца мяса с куриных костей, бережно откладывая свою добычу на салфетку. Жизнь Лайонела спокойно текла в университете, тогда как другие люди вытягивались в нитку, чтобы выжить.

– Она тебя не понимает, – сказал Лайонел, желая, чтобы Беллоу оставил нищенку в покое. Министерский сынок и ухом не повел, убеждая женщину:

– Если ты сделаешь глоток этой живительной влаги, я куплю твою лучшую дверную ручку. Черт, да я и худшую куплю! А теперь, раз мы договорились по чесноку, давай сюда дверную ручку, а затем я дам тебе отхлебнуть. – Беллоу отпил, рыгнул и помахал фляжкой: – Видишь? Прямо мед на языке!

Женщина испуганно улыбнулась и что-то затараторила.

– Не понимаю я твоей тарабарщины, – отмахнулся Беллоу. – Будем пить или нет?

Нищенка поспешно сошла, едва дождавшись следующей остановки.

Беллоу пьяно засмеялся.

– Бедняки бывают ужасными снобами, скажи? – Он протянул фляжку Лайонелу, приподняв бровь.

Лайонел знал, что Беллоу полный дурак, но не предвидел, каково будет провести несколько часов в его обществе. Предприятие грозило обернуться публичным позором.

– Нет, спасибо, – отказался он.

Беллоу снова зашелся смехом.

– Мне больше достанется!

Трамвай покатил дальше, и дорожный компаньон Лайонела почувствовал тягу к описанию проплывавших за окном сцен.

– О, глянь! – Беллоу указал на выцветший дом, чиненый досками разных цветов. Под дверным молотком висела серая перчатка. – Эта означает, что жильцы заражены холерой и

умирают. Ну что за кретины! Нельзя пить оттуда, куда гадишь и мочишься, – когда ж до них дойдет?

Вдоль трамвайных путей появились рыночные лотки, заваленные одеждой.

– Если у тебя закончится запас грязных тряпок, рекомендую пополнить дефицит, – съязвил Беллоу. Женщины в платках перебирали груды барахла. На махристом коричневом платке одной из них читались буквы «УКА». До Лайонела не сразу дошло, что платок выкроен из мешка для муки.

Дорога шла под гору, следуя особенностям городского рельефа – холмы на севере, Лис в низине.

– Смотри, смотри! – оживился Беллоу, тыча пальцем в стекло. Жилистый старик в одном жилете, с голыми руками, сводил мула по деревянной лестнице со второго этажа. С каждым шагом мула со ступеней сыпалась грязь, и вся постройка содрогалась от фундамента до крыши. Трамвай проехал мимо, прежде чем Лайонел успел разглядеть, благополучно ли спустились мул и его погонщик.

– Как считаешь, у них законный брак или они так, по любви? – Беллоу отпил из фляги. – Не захочешь – обалдеешь. Каждая тварь находит способ выживать.

Лайонел хотел сказать, что это люди, но понимал – Беллоу и это вышутит.

Мелом на кирпичных и дощатых стенах были написаны объявления:

«Семейный пансион на ночь»

«Братство докеров в 10 на обычном месте»

«Дешевый превосходный поташ Дримма»

«Опытный костоправ – спросите Колла наверху в задних комнатах».

Дымок, сочившийся из труб, торчавших из крыш и стен, был угольно-черным из-за всякой дряни и мусора, который жгли вместо дров; от химической вони во рту появлялся вкус дегтя. Когда трамвай свернул к реке, к тяжелому духу гари добавились запахи рыбы, речного ила и прочих субстанций. Из заводских труб ниже Южного моста валили серые клубы, размазываясь по небу; их рвал на ленты ветер над заливом. Этот более светлый дым принес ноту свежей краски, щекотал ноздри и давил изнутри на глаза, заставляя Лайонела стогать от неловкости на удобном трамвайном сиденье.

– А сколько тут прелестных кошечек! – ехидничал Беллоу.

Кошек и в самом деле было много: они сидели на крышах, подоконниках и лестницах. Лайонел даже заметил кота, восседавшего на закопченной спине купидона на карнизе. Завернув полосатый серый хвост шестеркой, кот сонными желтыми глазами рассматривал грязное небо.

Беллоу одобрительно продолжал:

– Они борются с грызунами, а в суровую зиму вот тебе и мясо в супе. Местные клянутся, что ни-ни – дескать, кошки священные, но это вранье: и жрали раньше, и будут впредь, не сомневайся. Когда припрет, лопаешь своих слуг. Такой закон у человечества.

Маршрут заканчивался на западной набережной возле Южного моста. Плавучий морг был пришвартован в полумиле от остановки. На мосту у балюстрады Лайонел заметил группу детворы.

– Кажется, это называется «мало-помалу», – сообщил Беллоу. – Стараются попасть камнями в мусор на реке. Излюбленный спорт у маленьких кретинов, верь не верь.

Здесь берега Фейр были совсем отлогие. На отмелях старатели в закатанных штанах промывали песок, и хотя до осени было далеко, губы у них были синие от холодной воды, плескавшейся вокруг босых ног.

– На! – Беллоу припечатал фляжку к груди Лайонела, и на этот раз тот выпил.

Δ

Передавая фляжку друг другу, они ждали в очереди на пристани, откуда на Корабль-морг были перекинуты сходни. Когда фляжка опустела, Беллоу достал вторую.

На борт Плавающего морга допускались по двое желающих зараз. Большинство возвращалось на пристань с явным облегчением и даже в приподнятом настроении.

– Ничего в нем особенного! Не понимаю, с чего Вестховеру вообще заблажило в него стрелять, когда он мог переломить его пополам, как палку! – сказал какой-то мужчина своему спутнику, проходя мимо. По качеству одежды и шляп и по частным экипажам, ожидавшим на перекрестке, было понятно, что это представители лучших классов.

От спиртного у Лайонела развязался язык.

– Только богачам придет в голову швырять деньги на подобные зрелища.

– Ха! – войдя в раж, гаркнул Беллоу. – Мы таки умеем развлекаться!

Захмелев, Лайонел сознательно не противоречил разбушевавшемуся Беллоу. Сынок члена правительства ничего не значил: тут люди жили в одной комнате со своими ослами и работали посиневшие от холода дети. Но Лайонел больше не считал, что сам он значит намного больше. Очередь медленно укорачивалась – они продвигались вперед.

У края пристани они вручили зрителю два четвертака, получив взамен по клочку ваты заткнуть ноздри.

Беллоу нахмурился.

– Он же на холоде лежит, не протух?

– Сохранность у него нормальная, это от химикалий, которые не дают ему портиться. – Мешки под глазами сторожа набрякли до самых ноздрей, а кожа была какая-то растертая, словно он спал в сетях лицом вниз. – Не волнуйтесь, джентльмены, вы не зря потратите деньги, – добавил он, и то, как он произнес «джентльмены», заставило Лайонела отвести взгляд.

Они с Беллоу плотно заткнули ватой ноздри.

Лайонел первым прошел по расшатанным, огороженным цепями дощатым мосткам, соединявшим Корабль-морг с берегом, и ступил на скользкую палубу.

– Я прямо думал, этот зритель меня расцелует, – хохотнул, догоняя его, Беллоу. – Ты небось ревнуешь, Лайонел! Небось завидуешь, что он не захотел расцеловать и тебя?

Лайонел, не сдержавшись, в упор глянул на Беллоу:

– Ты заткнешься, наконец?

Резкость его тона словно бы удивила Беллоу.

– Я просто прикалываюсь, приятель, – сказал он.

Переделанный из малого торгового судна, Корабль-морг так давно стоял на приколе, что корпус оброс ракушками до самого фальшборта. Ржавчина местами насквозь проела трубу, гребное колесо покрылось плотным слоем темно-зеленой слизи. Доски палубы всхлипывали и хлюпали под ногами.

Через рубку Лайонел и Беллоу по короткому трапу спустились в темноватый подпалубный трюм. В длинном помещении с низким потолком на деревянной платформе под висячей лампой стояла серая от окислов оцинкованная ванна в форме гроба, но шире и немного глубже. Воздух был затхлый и холодный. Вдоль стен стояли ведра с ледяными глыбами. Несмотря на вату в ноздрях, Лайонел почувствовал сладковатый медицинский запах.

Беллоу обошел ванну с правой стороны, Лайонел – с левой. Между ними, наполовину погруженный в суп из изумрудно-зеленой жидкости с плавающими кусками льда, лежал труп Йовена. Несмотря на малые размеры мертвого тела, Лайонел почувствовал, что не может воспринять этого человека целиком. Взгляд Лайонела блуждал от бугристого купола черепа с

пятью волосинками, прилипшими к коже, к закрытым сморщенным векам, острому подбородку, лужицам зеленой жидкости, собравшимся в углублениях ключиц, узкой груди с двумя следами от пулевых ран – черными бескровными дырами, одна под другой, и к крупным, непропорционально большим для Йовена рукам, покоившимся ладонями вверх, с утолщенными суставами и грубыми мозолями там, где полагалось быть подушечкам пальцев.

Лайонел не мог отвести взгляд от этих мозолей, от которых после многодневного вымачивания начали отслаиваться крошечные полоски кожи. Ему вновь вспомнился официант, бережно очищавший куриные кости, обирая каждый кусочек мяса.

Лайонелу стало нехорошо, он отступил от ванны – и вдруг словно впервые целиком увидел мертвеца, лежащего во льду и химическом растворе. Наполовину надвинутая крышка контейнера закрывала покойника до пояса – Йовен будто лежал под одеялом. Он выглядел объектом жуткого жертвоприношения.

Все было неправильно. Все. Весь их мир. Лайонел давно это подозревал, но сейчас убедился окончательно.

– Честно говоря, – сказал Беллоу, – я бы, наверное, выглядел не лучше. Такая обстановка никого не красит.

От слов сочувствия Лайонела переполнило облегчение.

– Верно, – сказал он.

Беллоу вынул из пиджака вторую фляжку и постоял, пристроив руку на край ванны. Края ватных комков, торчавших из ноздрей Беллоу, трепетали от его дыхания. Он хмыкнул, указывая на ярко-зеленую жижу:

– Не стал бы я пробовать эту живительную влагу, даже на спор. За все деньги мира не стал бы.

– Да уж, – согласился Лайонел.

– Вот тебе и да уж, – Беллоу выпил. Беспощадный свет висячей лампы заливал труп Йовена. Корабль поскрипывал. Лайонел вдруг подумал о реке за стенками трюма, катящей свои воды к океану, и услышал собственный всхлип.

– Ты готов идти?

– Почти. – Беллоу убрал фляжку. – Вот только спрошу его кое о чем.

Сынок члена правительства нагнулся над телом, почти касаясь носом кончика носа Йовена:

– Я одно хочу знать: ты сожалеешь?

– Ты что делаешь? – Слова Лайонела прозвучали негромко, словно он боялся, что Йовен проснется. – Перестань!

Если Беллоу и слышал его, он не подал виду. Ватные концы раздувались, когда он засопел сильнее. Свободной рукой Беллоу взялся за губы мертвеца и, стиснув их так, что они выпятились, принялся возить их взад-вперед. Голос, которым Беллоу озвучил якобы ответ Йовена, вышел брюзгливым и ноющим:

– О да, о да, я о-очень сожале-ею, о-очень!

Беллоу поднял налитые кровью глаза:

– Что скажешь, Лайонел? Принять нам его извинения?

– Пожалуйста, – проговорил Лайонел. К горлу у него подступил комок, во рту появился вкус выпитого ранее.

Беллоу прищелкнул языком.

– Нет, я этого сделать не могу. Такое быдло всегда уверено, что раз у него в карманах начало побрякивать, так сразу в благородные угодил, хотя это всего-то слепая удача. Повезло ему, ясно? Ты должен радоваться, что тебе так свезло! В моче моего папаши больше благородства, чем в тебе. – Беллоу вынул из кармана опасную бритву и открыл ее. – Сейчас зуб возьму на сувенир, и мы покинем этот плавающий отстойник.

Δ

Миновала полночь, когда ушли последние зеваки и зритель, которого звали Зейнс, поднялся на борт и нагнулся втянуть сходни. На сходнях сидел кот. Драгоценные камни в его ошейнике сверкали в ночи. Кот был черный, с белой манишкой и белым подбородком. Он сидел аккуратно и выжидал.

Зейнс уважал старую религию. Он снял фуражку и отступил в сторону.

– Будь благословен, друг.

Кот взбежал на борт, не удостоив Зейнса взглядом, пересек палубу и исчез за дверью рубки.

Сторож спустился в трюм и нашел кота на Йовене: пушистый визитер уселся на сухом островке груди мертвеца, впившись в бескровную кожу когтями. Пристально глядя в лицо трупа, кот ровно мурчал.

Зейнс, прижимая фуражку к груди, подобрался ближе, машинально бормоча ежедневную молитву:

– Благослови меня, друг, и взгляни на меня благосклонно, и укажи мне путь...

Смотритель понимал, что присутствует при свершении чуда.

Кот, мурча, с усилием терся лбом о грудь Йовена, словно бодая его. Река ровно шептала что-то снаружи, поглаживая ребра судна. Ледяные глыбы в ванне с покойником звякали о цинковые стенки.

Спустя некоторое время кот словно бы унялся. Он перестал тереться, зевнул, потянулся и соскочил с груди Йовена на пол.

Не обращая внимания на Зейнса, черный с белым гость взбежал по трапу на палубу, позванивая ошейником, и спрыгнул на пристань за секунду до того, как швартовы Корабля-морга ослабли и, медленно развернувшись, сползли с кнехтов.

Зейнс перевел взгляд на покойника. Губы Йовена приоткрылись.

Δ

Лайонел проснулся в своих комнатах с похмельной головой и в рубашке, запачканной рвотой. Он быстро умылся и через силу погнал себя в университетскую библиотеку. Остаток утра он, не обращая внимания на оглушительную головную боль, писал свой страстный «Моральный призыв к улучшению жизни бедных и безгласых». Закончив, Лайонел отпер редакцию университетской газеты и на печатном станке принялся делать оттиски.

Салют

К Ди лейтенант вернулся в приподнятом настроении. Они вошли в кабину одного из выставочных локомотивов, Роберт сел на место машиниста, а Ди оседлала его.

– Помаши же людям, грязная девчонка! Помаши всем, кто смотрит, как мы проносимся мимо!

За плечом Роберта усердно работавший восковой кочегар наклонился вперед с пустой лопатой в руках, дабы накормить железную пасть топки, тоже пустой, но выкрашенной изнутри красной краской для обозначения огненного жара. Кочегар стоял голый до пояса, темно-синие подтяжки свешивались до колен, а стеклянные глаза были повернуты так, будто он разговаривал с машинистом. Однако сейчас машиниста заслоняли Роберт и Ди, поэтому казалось, что кочегар безмолвно наблюдает за тем, чем они занимаются. Ди позабавила эта мысль, и она некоторое время тешилась ею, пока ее лейтенант, по своему обыкновению, болтал не умолкая.

Она представила, как восковой кочегар продолжает орудовать лопатой, не отводя глаз, и погружает лопату в уголь, и поднимает, и подбрасывает в топку, и снова всаживает лопату в уголь, задавая свой ритм, и поднимает, и всаживает... От кочегара должно разить на всю кабину, подумалось Ди, но не потом, а углем и сажей, разить так, будто уголь овладел им, будто сам он сделан из сажи. В словах не было надобности, только его глаза и ее глаза – и сила, с которой они старались расколоть друг друга.

Ди была близка к оргазму, когда Роберт вздрогнул, застонал и дернул за веревку свистка. Паровоз оглушительно закричал на весь третий этаж музея. Ди в одно мгновение словно выбросило обратно в реальность.

– Ох, черт, – хрипло засмеялся Роберт. – Кажется, мы врезались.

Пальцы Ди проникли в кудрявую поросль у него на груди. Ей хотелось выдернуть эти волосы с корнем.

– Жаль, – сказала она, убрала руку и слезла на пол.

– Что ты делаешь? Дора? Ты что, оставишь меня голого на поезде, несущемся... Господи, я даже не знаю, куда мчится этот поезд!

Ди быстро оделась. Когда Роберт спустился с локомотива, она уже сидела на ближайшей скамье, делая пометки в записной книжке.

– Не нравится мне этот кочегар – у него какое-то двусмысленное выражение лица... Что ты пишешь?

– Уголь или дрова для топки.

– Для какой? Для бойлера в подвале? Но ты же не считаешь, что в этом бараке холодно?

Она на секунду подняла глаза и заметила, что Роберт вытирается клетчатым платком, раньше торчавшим из заднего кармана кочегара. В ушах у нее до сих пор звенело от паровозного свистка.

– Топка в кабине паровоза пуста. Можно подумать, что кочегар бросает в топку воздух.

– О, а я и не знал, что ты планируешь всерьез за это взяться. Молодец! – Он огляделся, держа липкий платок на отлете. – Тебе бы быть леди и владелицей усадьбы, Дора. У тебя отличная голова для всяких мелочей, которых мужчина не замечает без подсказок женщины.

Дора следила за ним, уже зная, что он забросит платок под вагон. Роберт так и сделал.

– Поздно, – сказала она. – При новом порядке леди уже не будет, и лордов тоже.

Это замечание заставило Роберта нахмуриться. Он поднял с пола брюки и встряхнул их.

– Это верно.

На семейной фотографии, которую Роберт держал у себя в комнате, мать казалась маленькой, как воробушек, со стиснутыми у талии руками: она явно испытывала неловкость, позируя перед фотокамерой. Что-то с ней теперь станет, подумал Роберт. В самом деле, как

же быть с родителями? В Ди еще не утихло раздражение от паровозного свистка и носового платка, но от этих вопросов она смягчилась. В ее лейтенанте жил Бобби, ответственный за эти проделки, и именно внутренний Бобби не хотел видеть неизбежных последствий революции для родителей-землевладельцев.

Ее лейтенант начал рассказывать об интервью, записывать которое его вызвали накануне в кабинет главного судьи. Бывший министр финансов подробно излагал, как Корона, сдавая внаем государственную армию, одновременно вкладывала огромные суммы в тайные торговые сделки с другими странами ради собственного обогащения.

– Притом что в Лисе есть люди, которые зимой умирают от удушья, потому что приходится спать вплотную по многу человек, чтобы не замерзнуть!

Ди слышала и о вещах пострашнее, но сейчас лишь кивнула.

Солнце село, в галерею вошли сумерки. Машинист и кочегар на своем паровозе превратились в два безликих силуэта. Ди первой поднималась по лестнице, а Роберт шел сзади и рассказывал, как министр заявил – он убил Йовена лишь потому, что на миг заразился от посудника безумием.

– Я подобных рассказней в жизни не слышал! Он не испытывает ни малейших угрызений совести, можешь в это поверить, Дора?

– Нет, – отозвалась Ди, хотя поверить она, конечно, могла. Не все богатые молодые люди в университете держались таких передовых взглядов, как у Роберта. Было полно и тех, кто считал бы действия Вестховера более чем обоснованными, – например тот же сынок члена правительства, который требовал, чтобы горничная подносила ему плевательницу отхаркнуть табачную слюну. Ди забеспокоилась, уж не на облаке ли жил ее лейтенант: на нынешней стадии обновления нации его удивление выглядело несколько экстравагантным.

Когда они поднялись на пятый этаж, Ди подвела его к хижине старателя, которую выбрала в качестве своей комнаты – там стояла единственная во всем музее кровать. Ди заменила грязные холщовые простыни на тонкое постельное белье, взятое из комнат сына члена правительства, пристроила на маленький стол вторую лампу, кувшин воды и стаканы. Будучи частью экспозиции, хижина не имела крыши и насчитывала всего три стены – заднюю и боковые, поэтому Ди, чтобы замкнуть пространство, натянула поперек одну из старых простыней. Стены, кстати, были довольно прочными, сложенными из неошкуренных бревен, а щели замазаны глиной.

Ди зажгла лампу.

Роберт перестал говорить о полной испорченности министра финансов и остановился у порога.

– Ты реально собираешься тут жить? В хижине бродяги?

– Это музейный экспонат. Хозяин стоит в стеклянном ручье, моет золото. Моя обязанность – смотреть за музеем. Я давала подписку о верности новому режиму. Мне нужно где-то жить.

Роберт шагнул в хижину.

– А что, если бесприютные призраки, лишенные крова после пожара в Обществе чародеев, переберутся сюда, вселятся в восковые манекены, и начнут расхаживать по галереям? Знаешь, Дора, будь я призраком, первым делом вселился бы в одного из этих восковых мужчин и набросился на тебя.

– Мне это не приходило в голову, – сказала Ди. – Думаешь, мне стоит беспокоиться?

– Пожалуй, лучше выбросить из головы эту идею. Но ты же понимаешь, что я не смогу оставаться у тебя каждую ночь?

Его шутливый тон, с которым Дора всегда легко мирилась, начинал раздражать. Ди понимала, что такое обязанности, лучше, чем когда-нибудь будет понимать Роберт.

Но она ответила ровно:

– Разумеется. Я запру двери.

– У нас не хватает людей – часть войск пришлось отправить разбираться с сопротивленцами, окопавшимися на Тракте. У меня все-таки воинское звание, долг.

Это проливало свет на ситуацию с кавалерией, покидавшей город, о чем утром говорила Бет.

– Все так серьезно?

– Нет. Остатки регулярной армии застряли по самую задницу в снегах за тысячи миль отсюда. Это всего лишь недобитки, но они заняли выгодную позицию на Тракте, а наше командование хочет избежать прямой атаки. Уже ведутся переговоры... вернее, переговоры о переговорах. – Он пересек хижину в три шага и нагнулся осмотреть кровать. – Это нас замедляет, затрудняет организацию выборов и определение юридических процедур, но этим и ограничивается наносимый нам вред.

– Но потом все станет как обычно? Заводы заработают, по реке пойдут корабли?

– Все станет даже лучше, – пообещал ее лейтенант, щупая простыню двумя пальцами. – Странно, но у этого старателя шелковые простыни. Это лишено исторической точности.

– Может, он напал на золотую жилу?

Роберт не нашелся что возразить, пожал плечами и присел на кровать. Покачавшись и сокрушенно вздохнув насчет пружинистости, он прилег на бок, подперев голову кулаком и свесив ноги с края кровати.

– Будет трудно.

– Мы справимся. – Прежде чем Ди могла присоединиться к Роберту, нужно было пройти по музею и погасить свет. – Я вернусь через несколько минут.

Она взяла лампу со стола.

– Дора?

– Да, лейтенант?

Он пристально вглядывался в нее, рассеянно водя по усам согнутым пальцем. В свете лампы его волосы казались лакированными.

– Прости, что я иногда заговариваюсь. Это же скучно, вся эта политика...

– Лейтенант...

– Порой мне хочется, чтобы ты называла меня Робертом.

– Хорошо, Роберт.

– Ты в курсе, что я знаю и ценю, какая ты умная? Мне неважно, что ты работала. Ты столь же прекрасна, как и любая женщина.

В его тоне появилась некая странность – в нем слышалось раскаяние. Неужели виной тому шелковые простыни? Если бы он спросил, откуда они взялись, Ди сказала бы правду: она их реквизировала. Причем она не сомневалась, что Роберт бы ее одобрил. Но почему он словно извинялся за ее поступок? Получалось, он чувствовал свою вину перед ней, что тоже было нелогично. Чем он мог ее обидеть? Они не давали друг другу клятв, которые могли бы нарушить; Ди никогда не просила ни о чем подобном. Все ее родственники умерли; все, что у нее есть, – она сама, а теперь еще и музей.

– Спасибо, Роберт, – сказала она. – Ты очень добр ко мне.

Он улыбнулся и хлопнулся спиной на кровать.

– Я постараюсь не заснуть, пока ты ходишь. Но обещать не могу.

Она сказала: «Ладно» – и сделала движение к двери.

– Послушай, – не выдержал ее лейтенант, неловко кашлянув, – если сержант Ван Гур, который подписал нам постановление, вдруг явится сюда, а меня не будет, немедленно найди меня. Не медли, не проводи ему экскурсию, ничего такого не делай, а тут же отправляйся меня искать. Тревожиться не о чем, он хороший человек, разве что простоватый. Но некоторые вещи он понимает по-своему, поэтому лучше, чтобы разговоры с ним вел я. Если он появится здесь, немедленно зови меня, обещаешь?

Ди пообещала и вышла, однако этот разговор не давал ей покоя. Роберт хотел что-то сказать, но умалчивал о главном.

Чтобы дойти до лестницы, сначала пришлось миновать стеклянный ручей, таинственно-темный и взблескивающий серебристыми рыбами. Через несколько шагов начинался фруктовый сад из трех деревянных яблонь. Одноглазый сборщик, чью торбу она одолжила, стоял под центральной яблоней и словно бы выжидательно глядел на Ди.

– Ты не знаешь, что он имел в виду? – спросила его Ди, но сборщик, разумеется, не знал, и она пошла дальше.

Спустившись на первый этаж, она проверила засов на дверях, выключила настенные светильники и поднялась к следующей галерее. Погасив лампы на втором этаже, Ди впервые заметила, как лунный свет меняет лица двух каменщиков, стоявших у стены высотой до половины человеческого роста, в каплях старого цемента. Веселые улыбки превратились в болезненные гримасы, будто они устали друг от друга, от шуточек, запахов и звуков друг друга. И кто их обвинит? Если бессмертные не начинают рано или поздно мечтать о смерти, они наверняка хотят смерти других бессмертных.

На третьем этаже Ди приблизилась к темному локомотиву и пошарила под вагоном. Нашупав грязный носовой платок, она спрятала его в карман фартука, чтобы потом выстирать. За окном заухала сова. Ее сдавленная невнятная жалоба проникла через тонкие музейные окна и так испугала Ди, что она едва не выронила лампу. Когда сова закричала второй раз, Ди почти не обратила внимания и погасила свет на четвертом этаже, погрузив во тьму банковских касиров, телеграфного оператора и учительницу в маленьком классе, чья челка была хулигански срезана ножницами. Прежде чем направиться к лестнице, Ди остановилась у окна, выходящего на сторевшее здание Общества, и взглянула на пепелище. На куче щебня сидела, вылизываясь, белая кошка, подчеркнуто безразличная к угрозам совы.

На пятом этаже Ди снова подошла к фруктовым деревьям и пожелала сборщику доброй ночи, после чего направилась к стеклянному ручью.

– Пожалуйста! – завопил сборщик фруктов, но с его голосом было что-то не так, будто он схватил сильный насморк. «Пожалуй...» прозвучало искаженно, скомканно и хрипло, а «...ста» пронзительно взорвалось. Ди замерла. Хлопнул выстрел, и умолявший – настоящий человек, не восковой манекен – замолчал.

Δ

Минуту или две спустя тяжелая дверь черного хода посольства распахнулась. Ди уже перешла к окнам, выходящим на каменный дворик. Она вздрогнула, но осталась на месте. Солдат, который вышел из посольства, нес на плече что-то длинное, замотанное в ткань. Сверток мог оказаться и скатанным ковром, но Ди понимала, что это не ковер: в свете луны она отчетливо видела темные пятна на ткани.

Солдат был без рубашки. Его густая черная борода, закрывавшая щеки, подбородок и шею, превращалась в курчавую темную поросль на широкой груди. Сбоку на брюках были нашиты лампасы, на ремне висела кобура с пистолетом, но на макушке красовался цилиндр с повязанным шарфом, какие носят кучера. Длинный сверток солдат нес без видимых усилий.

Задний двор посольства заканчивался конюшней. Подойдя к воротам, солдат пнул носком сапога задвижку, и створки распахнулись. Когда солдат перешагивал порог, длинный сверток на плече сдвинулся, и на брусчатку выпал ботинок.

Полуголый солдат появился из конюшни без своей ноши. Он пошел к черному ходу посольства, но остановился и метнул взгляд на окна музея. Широкая улыбка, в которой недоставало зубов, разверзлась в гуще черной бороды. Он отдал Ди честь.

Ди мысленно приказала своей руке подняться, и маленькая кисть помахала в ответ.

Сосед кивнул, опустил руку и снова скрылся в посольстве. Спустя мгновение из темного дома во двор вылетел цилиндр, подскочил на брусчатке и перевернулся. Дверь звучно захлопнулась.

В хижине Ди поставила выключенную лампу на стол и прилегла рядом со своим лейтенантом. Едва она закрыла глаза, как сразу увидела высоченного соседа, который с улыбкой отдавал ей честь, и на макушке у него сидел цилиндр с повязанным вокруг тульи шарфом. Ди мгновенно открыла глаза и стала слушать дыхание Роберта, дожидаясь, когда снова взойдет солнце.

Когда рассветные лучи подсветили пылинки в воздухе и выбелили назначенную стенкой простыню, Ди встала и подошла к окну взглянуть на двор посольства.

Цилиндр еще лежал на земле. Язык красного шарфа, обвязанного вокруг тульи, вытянулся на плитках. У ворот конюшни, куда мрак прятался от света нового дня, вилась и танцевала мошकारа.

Подошел ее лейтенант и остановился рядом. Зевнув, он пожелал ей доброго утра.

– Доброе, – отозвалась Ди. – Что ты знаешь о человеке, живущем по соседству?

– О капитане Энтони? Ничего, кроме того, что, по его словам, он занимается вопросами безопасности у Кроссли – проводит собеседования, как он выразился. А почему ты спрашиваешь?

– Из любопытства, – ответила Ди. – Капитаны выше лейтенантов по рангу?

– Боюсь, что выше, – сказал Роберт и обратился к сборщику фруктов, оказавшемуся ближе всех: – Надеюсь, ты возьмешь себе на заметку, друг мой: как только рядом появляется мужчина с более высоким статусом, женская любовь сразу остывает.

Ди не пожелала продолжать этот разговор. Ей хотелось стереть все из памяти и, что еще важнее, чтобы об всем забыл и Роберт. Эту дверь следовало запереть на засов и выкрасить под цвет стены.

Ди вошла в его объятия и поцеловала в шею.

– Так-то лучше. Как спалось? – спросил Роберт.

– Нормально, – ответила Ди.

Слушай

В Ювенильном пансионе учителя и учительницы говорили детям слушать, но Ди быстро усвоила, что на самом деле от детей требовалось помалкивать.

Холера, забрав Амброуза, забрала и их родителей, и когда выяснилось, что инвестиции отца пошли прахом, его троюродная сестра из Канады, выразившая желание взять опеку над Ди, передумала. Дом, мебель и даже пианино-миньон, которое Ди получила на день рождения, были проданы за долги.

– Если бы не мой муж, Ди, я бы тебя взяла, но муж сказал «нет». Ты ведь знаешь, что я бы тебя взяла? Знаешь? – снова и снова спрашивала нянька, ведя Ди в Ювенильный пансион. Дважды по дороге им пришлось остановиться, и нянька убегала за угол стошнить.

Ди заверила, что все понимает, и даже поглаживала няньку по мягкой спине, не признавшись, что ей известно: нянька – вдова.

Нянька привела Ди в пансион № 8, иронически прозванный Гэммон-кортс⁷, ибо ни одна часть свиньи отродясь не подавалась к обеду юным воспитуемым.

– Ты будешь слушать, – сказала начальница пансиона, – и научишься полезным ремеслам.

– Да, мэм, – сказала Ди. Начальница отвесила ей оплеуху и гаркнула, что она еще не договорила.

– Ну, что слышно? – спросил член городского совета, прибывший с инспекцией.

Все двадцать воспитуемых, все мальчики и девочки пансиона № 8, выстроились перед ним в мастерской. Инспектор поднял золотые часы на цепочке и покачал ими в воздухе.

– Секунды тикают, сэр! – выпалила самая старательная девочка. Член совета назвал ее тупой грязной лгуньей, потому что у этих превосходных швейцарских часов абсолютно бесшумный ход и стоят они дороже, чем ее никчемная жизнь, после чего они с нынешним начальником разразились оглушительным хохотом.

После начальник долго макал старательную девочку в ванну с грязной водой, приговаривая:

– Посмотрим, сможешь ли ты как следует отмыть свои уши!

– Я ясно выразилась? – спросила как-то раз преподавательница шитья.

Кто-то громко выпустил воздух, отчего кто-то другой хихикнул. Учительница взвизгнула от ярости, подбежала к мальчишке, сидевшему за рабочим столом ближе всех и не издававшему ни звука, и воткнула ему в плечо иглу от швейной машинки.

Все уроки сильно походили друг на друга и бесконечно повторялись в течение семи лет, в течение которых Ди выживала в Ювенильном пансионе. В пятнадцать лет она выехала, получив свою первую работу уборщицы в Национальном университете. Это тоже был ценный урок, и смысл его звучал как «не существуй».

⁷ Ветчинный дворик (англ.).

Идеальная горничная, в представлении Ди, соткана из воздуха и легкими мановениями ветерка орудует швабрами и щетками, пока весь мир спит. Идеальная горничная – существо мистическое.

Тихая и маленькая не значит невидимка, но порой это почти одно и то же.

В торцах длинного помещения, где стояли койки для девочек, имелись окна. Иногда по ночам, после вечернего обхода начальника или начальницы, девочки молча собирались у одного из окон посмотреть на кошку на булыжной мостовой.

Там всегда сидела минимум одна кошка (как правило, их было больше). Луна любовно освещала их гибкие тела, подсвечивая полосы и пятна, и наполняла глаза серебром. Другие девочки шептались, как им хочется ту или эту кошку, совсем как Ди, когда ее родители и Амброуз были живы, а она сама была маленькой. Но чем больше Ди наблюдала за кошками – как они подкрадываются к добыче, припадая к земле, как без усилий взмывают с земли на высоту подоконника, как светятся в темноте их глаза, – тем меньше ей хотелось себе кошку.

Ди хотелось самой стать кошкой, ходить, куда захочется, и наносить раны острыми когтями.

В первую ночь в музее Ди сидела на кровати в хижине золотоискателя, закрыв глаза, и прислушивалась.

Кусок мела, которым вели по деревянному полу, вздрагивал на стыках половиц: ш-ш-ш-к, ш-ш-ш-к, ш-ш-ш-к.

Нянька стояла на улице, всхлипывая по своей Ди. Ди была ее дитём, и она совершила ужасную ошибку, отдав девочку.

Самый молодой начальник пансиона, с потрескавшимися губами и дергавшим шею нервным тиком, бродил между койками, бормоча что-то о вшах:

– Приносят ли вшей грязные дети, или же вши приносят грязных детей? Ха-ха, ха-ха, ха-ха...

Сынок члена правительства велел ей поднести ему плевательницу – «А вот тебе подарок, красотка», после чего отхаркнул зеленоватый комок мокроты и выплюнул в оловянную миску.

В университетской библиотеке тихо гудели лампы, когда Ди смотрела в глаза Роберту, а он смотрел в глаза ей.

Ди выдохнула, и выдох расширился в просторную кипучую тишину музея с его залами и стенами, с его экспозициями и витринами, с его лавками и прочим инвентарем, с его мужчинами и женщинами, сделанными из воска. Все это принадлежало ей – имущество и, что еще важнее, огромные пустые галереи.

Она вспоминала, как брат увел ее за угол и заставил мальчишек исчезнуть и назвал это магией. Это не было волшебством; магия заключалась в том, что рядом с братом Ди чувствовала себя особенной, хотя была совсем малявкой и к тому же девчонкой, раздражавшей своих родителей.

– Амброуз? – Ди слушала, как растет имя ее брата, заполняя галерею пятого этажа, упираясь в потолок и стены. – Ты меня слышишь?

Она прислушивалась к эху собственных слов, пока они не исчезли.

– Смотри, что я сделала!

Ди ждала. Слышал ли он? Видел ли? («Да, я вижу тебя. Твое... лицо».)

– Почему? – закричал кто-то в бывшем посольстве. – Почему?

Спрашивавший не унимался, повторяя свой вопрос снова и снова, и Ди слушала это бесконечно долго, пока крики не прекратились, но если ее сосед, капитан Энтони, что-то и ответил, это осталось за пределами слуха.

События, которые привели к свержению правительства Короны Часть III

Целый день они кружили по Лису с его облезлыми, пыльными, загаженными улицами и переулками, с его зловонными трущобами и грозившими обвалиться домами-душегубками. Группу вел активист благотворительного движения; кроме Джонаса Моузи присутствовали лидер университетских протестов и несколько студентов. Предводитель нелегального союза портовых грузчиков все поглядывал на университетского барчука Лайонела, предвкушая, как тот подожмет хвост и сбежит к себе в кампус.

В одной обшарпанной комнате с покосившимися стенами они увидели одиннадцать истощенных детей, на что Моузи и бровью не повел. Одна из девочек деловито объяснила, что несколько дней назад их было двенадцать, да вот Бетси свернулась комочком и померла. Им показали место Бетси на полу, а какой-то мальчонка добавил, что оно несчастливое: «На этом месте всегда умирают».

В тесной каморке они беседовали с женщиной, проживавшей с мужем и сыном, ослепшими от бракованного лекарства, которого оказалась целая партия. Моузи не в первый раз слышал о подобных трагедиях. Слепой, сидевший спиной к стене, повернул хмурое лицо в сторону говоривших.

– Что, интересно вам, да? – спросил он.

Его сын, прижавшись к плечу отца, обводил пальцем щель в полу, глядя в пустоту невидящими глазами с расширенными зрачками.

Вслед за сморщенной хозяйкой бордингауза (полпенни в неделю) группа поднялась на скрипучую, замусоренную перьями крышу, чтобы осмотреть голубятню: старухе очень хотелось продемонстрировать свой метод сворачивания голов. Резкий поворот шеи – и птица выпускала струйку белого помета, вяло обвисая в руке. Это слегка покорило даже Моузи (а голубя так вообще прикончило). Старуха тут же ошипала и разделала тушку на покрытой пятнами крови доске, пока остальные птицы хлопали крыльями и кричали в своих клетках, сколоченных из всякого хлама.

Однако позорного бегства Лайонела Моузи так и не дождался.

Лайонел держал в руке надушенный шелковый носовой платок с монограммой (стоивший, по мнению докера, больше всего наличного гардероба любого из тех, кого они посетили) и прижимал его к носу всякий раз, как они выходили из очередной каморки, но тщедушный юнец дошел до финиша вместе с остальными, ни разу не заныв. Если он и был потрясен нищетой, то держался достойно, признал про себя Моузи.

Затем визитеров повели смотреть на огромный отстойник, над которым просела почва и увлекла за собой полдома; из выгребной ямы не смогли выбраться две лошади и человек по имени Валль. Вот тут Лайонел отошел на несколько ярдов, и его стошнило, но и с другими студентами приключилась та же беда. Моузи и сам еле сдержал подступившую к горлу желчь от смрадных испарений, стоявших над поверхностью гигантской багрово-серой лужи.

Напоследок они посетили Пойнт – южную оконечность города, где океанский воздух почти побеждал вонь гари и испражнений. Моузи хорошо знал это место – на Пойнте сохранилась самая древняя кумирня в городе. Среди травянок, пробивавшихся из засыпанной галькой почвы, стояли каменные и деревянные идолы разного возраста и сходства с персонажами легенды: иные почти утратили очертания человеческих фигур, не говоря уже о кошачьих. У подножия тотемов лежали приношения – цветы, рыбы скелеты и кусочки рыбы. Несколько

стареньких верующих молились, припав к земле. Чтобы задобрить свою мать, Моузи молился в Пойнте бесчисленное множество раз, но после ее смерти не был здесь ни разу.

Как почти везде в Лисе, здесь жили бродячие кошки. Эти вездесущие твари грелись на камнях, возлежали возле идолов или сидели в усыпанной гравием траве, ожидая, пока просители закончат молиться и можно будет съесть жертвенную рыбу. Они были по-своему величавы, эти бродячие коты с рваными ушами, шрамами на мордах и жесткой косматой шерстью. Некоторые нетерпеливо помахивали хвостами, но в основном кошки выжидали, сузив глаза и застыв в царственной неподвижности.

И снова Лайонел удивил Моузи. Тот ожидал, что университетский студентик сморщит нос при виде нищих стариков, молящих кошек об улыбке. Но Лайонел, увидев, что одному из просителей трудно подняться с колен, подошел и помог ему встать.

– Как вы, сэр? – спросил Лайонел у бедняка, чья ветхая, выгоревшая на солнце шляпа была лучшим предметом его жалкого гардероба. Из багрового пористого носа вытекали два темно-желтых поршня соплей.

– Я в порядке, сэр, спасибо. Вы знаете, если мы будем заботиться об этих тварях, они в свою очередь позаботятся о нас! Да-да, это правда. Помните историю о девочке, которая заблудилась в пустыне?

– Нет, – ответил Лайонел. – О чем там говорится?

Влажное, нездоровое лицо старика осветилось радостью.

– Одна девочка вышла в темноту поглядеть, как там устроено в темноте, и не смогла найти дорогу домой. Она блуждала много часов и дней, изнемогая от жажды, и в конце концов упала на песок, думая, что умрет. Но тут появился – кто бы вы думали? – черный кот потрясающей красоты, с шелковистой черной шубкой. Девочка заглянула ему в глаза, а кот заглянул в глаза девочке, и ей стало понятно: если она поднимется и подойдет к сухому дереву в царапинах, о которое черный кот точил когти, и направится в ту сторону, то найдет и воду, и дорогу домой.

– И она нашла? – поторопил Лайонел.

– О да, сэр!

Мать Моузи рассказывала ему чуть иначе: девочку бросили в темницу за преступления злого короля, а кошка поскребла по полу там, где под половицами был спрятан ключ, но общая идея примерно совпадала. Мать научила Моузи всем своим сказкам, начиная с самой любимой, о том, как дьявол, устав от своих проделок, заснул, и его мудрость выбралась наружу, приняв вид кошки, и наделила смекалкой признательных мужчин и женщин для их преуспевания. Родители Моузи перебрались в этот город из своей родной страны еще до его рождения; его отец был одним из иностранных рекрутов Великой армии, соблазненных обещанными военными трофеями. Когда папаша скончался от пневмонии в разгар первой Оттоманской кампании Гилдерслива, не оставив ни пенсии, ни добычи, мать Моузи, беременная им, забросила веру предков и всей душой предалась местному культу. Выгода от этой перемены оказалась сомнительной: ее ребенок выжил, но сама она умерла, когда Моузи было десять лет. Внутри у нее все сгнило, поэтому она улыбалась сыну и одновременно скрежетала зубами от боли. Так уж повелось в Лисе среди верующих и неверующих: смерть от болезни, когда приходится делить комнату с двенадцатью соседями, или голодная смерть, когда ты покалечился на работе и не можешь больше работать, или смерть от пожара, когда нищие так уставляли просить на улицах, что засыпали, уронив свечку на кучу лохмотьев, или смерть от иностранной пули, потому что Гилдерслив погнался за тобой, а теперь добавилась еще и смерть от чертовой прогнившей почвы, когда ты стоишь на земле, и вдруг она разверзается под тобой без предупреждения. Если и существовала какая-нибудь монструозная волшебная кошка, которая присматривала за верующими, она явно отличалась поганой пунктуальностью, неизменно выжидая со своей помощью до тех пор, пока верующий не помирал какой-нибудь жуткой смертью.

– А когда мы умрем, то, если мы жили достойно и были добры к меньшим братьям, – старик показал на кошек, лениво бродивших по каменистой площадке, – нас примет Большая кошка, Великая мать. Она придет и подхватит нас за шиворот, как своих котят.

– Правда? – серьезно переспросил Лайонел.

– Истинная правда. – Верующий расплылся в беззубой улыбке, показав черные десны, и похлопал себя по грязной шее сзади. – Это не больно, клянусь. Она знает, как брать за шкуру. Она отнесет нас туда, где мягко, тепло, где всегда течет молоко, и станет всегда защищать нас.

– Буду ждать этого с нетерпением, сэр, – сказал Лайонел.

– Как и я! – отозвался старик и пожелал университетскому студенту, чтобы ему улыбнулась кошка.

Моузи машинально повторил принятую формулу, раздраженно пробубнив ее себе под нос.

Лайонел пожал старику руку и подал ему свой дорогой носовой платок:

– Возьмите, добрый человек. Оставьте себе.

Моузи почувствовал себя виноватым. Он купил у торговки рыбой голову и положил на один из алтарей. Отступив в сторону, он смотрел, как пара пестрых кошек потрусили к приношению, припали к земле, выставив лопатки, и принялись за дармовой обед. Разрывая рыбью голову, они с кланьем грызли кости, стучаясь мохнатыми лбами. Докер попытался найти слова, но чувство вины уже притупила обида, и единственное, что он смог выдавить, так это «Будьте благословенны, друзья!».

Колючий ветер с залива бросил крошечные крупинки соли Моузи в лицо. Одна из кошек вальяжно отошла, неся в зубах дрожащий рыбий глаз.

Обернувшись, Моузи увидел, что Лайонел за ним наблюдает. Университетский студент кивнул. Моузи его проигнорировал.

Хотя Лайонел Вудсток не оправдал ожиданий Моузи в смысле слабости натуры, общаться с молодым патрицием грузчику совсем не хотелось. Вскоре они покинули Пойнт, торопясь на встречу с другими заговорщиками.

Δ

Ночь пала на город, когда группа ехала в элитный район Метрополитен, где предполагалась крупнейшая встреча разных партий бунтовщиков: старших докеров, работников трамвайного депо, фабричных мастеров и горстки студентов, помогавших Лайонелу распространять его памфлеты в городе. Моузи соображал, что туристы и праздные театралы подумают о странном шествии мужчин в мазаных рабочих куртках и гладколицых университетских студентиков, жадно сосавших свои сигареты. Зрелище было комичное, если не брать во внимание – достаточно одного любопытного констебля, чтобы всех закатали в каталажку.

Они свернули в переулочек возле отеля «Лир». Моузи никогда не заходил ни в «Лир», ни в какую-либо другую из трех лучших городских гостиниц: он вообще ни в один отель отродясь заходил – в Лисе были исключительно бордингаузы. Однако грязь в переулке прямо-таки доставила ему удовольствие: вонь от мусора богатых не отличалась от смрада помоек ниже Южнилы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.